

Андрей Арсланович Мансуров «Пипец этой вашей Омерике, или линия фронта проходит... Везде!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24396940

Аннотация

Третья мировая война переросла в странную четвёртую – "гибридную". Ведущую роль в ней играют не бомбы, ракеты, самолёты и атомные подлодки, а – СМИ. И ещё – новейшие компьютерные разработки, позволяющие "обрабатывать" население противника через всемирную Сеть, и даже интернет-игры. Престижу страны, претендующей на роль непогрешимого Светоча и оплота демократии, и пытающейся диктовать остальным странам свою волю, нанесён колоссальный ущерб. Впрочем, припёртый к стене враг, всё ещё располагающий огромными материальными ресурсами, не гнушается и старыми методами: банальными диверсиями, провокациями, и бактериологическими атаками на крупные города... Однако объединённые силы Альянса, включающего несколько передовых и густонаселённых стран, к любому действию противника – готовы! И учёные этих стран разработали и нечто такое, что врагу и не снилось!..

Мансуров Андрей.

Пипец этой вашей Омерике, или линия фронта проходит... Везде!

(Пародия на стандартные гиперпатриотические поделки)

Все имена, названия и события вымышлены. Любые совпадения являются случайными.

Ближневосточные рубежи.

Рахим завершил намаз традиционно: земным поклоном и тяжким вздохом.

Вот очередной трудовой день и начался. Пора подниматься с колен и обходить участок.

Со стоном он оторвал тощие коленки от протёртой до дыр циновки. Потёр болящую поясницу – прохладно тут по утрам: высокогорье всё-таки... Ладно, плевать на застарелый радикулит и слабость: идти надо!

Участок Рахима, собственно, не был большим. Но примотра требовал постоянного: то повитель-кускута нападёт на тщательно оберегаемые им растения, обвивая хрупкие стебли вначале нежно, а затем – словно удавкой, жёлтыми усиками, и стремясь выпить все, столь ценные, соки, то несколько десятков самцов саранчи вдруг откуда-то приле-

тят. Хотя откуда здесь, на укрытом со всех сторон горными хребтами, и почти изолированном от ветров плато, саранча – он ума не мог приложить!.. Но отлично понимал: там, где сегодня не снял с побегов пару десятков, завтра будет – две тысячи прожорливых тварей!

Выйдя из халупы, что заменяла ему дом, он потянулся: солнце только-только взошло: всё верно, будильник разбудил его на намаз вовремя! Теперь – обход. Натощак. Если Аллаху милостивому и милосердному будет угодно – до восьми он обход закончит, а там можно и позавтракать. Плевать на то, что кусок иссохшей лепёшки приходится размачивать жиденьким зелёным чаем: у него ещё остался кусок шмали примерно с палец: если пососать её, чувство голода пропадает. И хотя он отлично понимает, что это чувство – ложной сытости, и телу для работы нужно что-нибудь посушественней, пока он здесь, на этой работе, приставлен к этому полю, можно и потерпеть.

Потому что сезон скоро закончится, и с ним расплатятся. И можно будет вернуться домой, и там какое-то время просто – лежать и отдыхать. Отъедаться... А ещё...

Можно будет купить сынишке новый, престижный, мобильник, а семье на зиму – мешок риса и мешок маша. До следующей весны, когда начнётся новый сезон, должно хватить.

А где же ещё зарабатывать мужчине-афгонцу летом, как не на опийных плантациях?!

Почёсывая давно невымытый тощий зад в хлопчатобумажных шароварах, Рахим двинулся по чуть заметной тропке вверх – к границе участка. Вот он: единственный путь к его плантации. И не пройдёт и пары дней, как он не будет здесь в одиночестве: второй навес, сделанный, как и над его халупой, из полусгнивших и иссохших под солнцем до белизны, палок-жердей, крытых сверху таким же полусгнившим рубероидом, уже ждёт.

Ждёт сезонщиков: бедолаг, вооружённых специальными ножичками для нарезания рисок-надрезов на головках с добрый кулак, и соскребания выступившего сока в контейнеры.

Опиум-сырец здесь, в глухой провинции Саннах, катастрофически дешёв, конечно. Но поскольку омерикосы повывезли буквально тысячи тонн реагентов, и понастроили в пещерах настоящих цехов по переработке, не нужно больше далеко возить огромные и тяжёлые тюки на осликах. Потому что упаковки героина ровно в десять раз легче. Не говоря уж о том, что места занимают куда меньше... А ведь раньше были времена, когда сырец добывали целыми семьями – кланами. Чистили липкую и вонючую массу, упаковывали. И даже ставили собственное клеймо на тару с товаром: знак гарантии качества!

Сейчас с этим проще. На качество «первичного» сырья перерабатывающим лабораториям если не совсем плевать, то где-то близко. На *их* работе это никак не сказывается. А если травяного мусора, и пыли-грязи в товаре окажется

больше положенного, эти с-суки просто снизят закупочную цену.

И попробуй им возрази...

Рахим дошёл до границы участка: вот она, чётко обозначена насыпной землёй за невысокой стенкой из кусков сланца. Но...

ЧТО ЭТО?!!!

Почему над стеной не виден ни один стебель?!

Куда они все делись – сочно-зелёные побеги с уже начинающими наливаться головками на концах?! Неужели...

Ночью был сильный ветер и их прибило к земле?

На участок забрались какие-нибудь вредители, и подъели корни?!

Приходили конкуренты и покосили всё?!

Обуреваемый сотнями опасений и страхом от предстоящего неминуемого наказания, если виновен в недогляде, Рахим с трепещущим, словно у зайца, сердцем, сам не заметил как пролетел оставшиеся шаги, и...

И застыл, поднявшись на гребень стены.

Всё. Конец его мечтам о деньгах за работу. И плевать, что он добросовестно и скрупулёзно делал всё, что положено: деньги платят только за ухоженное и живое, дающее молочно-тягучий сок, поле.

А здесь несчастный голубой мак умер. Убит.

Насыпное поле неправильной формы сплошь покрывали пожухлые и покоричневевшие остатки стеблей: то, что оста-

лось от отлично ухоженной и надёжно упрятанной в дебрях гор, плантации. Все полёгшие стебли уже начали разлагаться, и приторно-сладкий запах не позволял усомниться: всё кончено! С этого участка получить опий-сырец не удастся. И не только в этом сезоне, но и три-четыре следующих.

Пока зимние снега и дожди, и свирепое здесь, на высоте двух километров, солнце, и ветра не уничтожат, превратив в безобидные отходы, даже следы проклятого изобретения русских – гербицида «Би – 259»... Разработанного, по слухам, как раз – исключительно против мака. Голубого опийного мака.

Рука сама собой потянулась к переговорному устройству: чем раньше он сообщит хозяевам, тем раньше освободится от этой... Работы.

Может, ещё удастся пристроиться к каравану, уходящему за продуктами в Исламубад: там, говорят, нужны рабочие руки на новом заводе по производству удобрений...

Мейсснер раздражённо взглянул на красный аппарат: телефон, конечно, тут – то ещё «ретро», будь оно неладно! Хотя аппарат как раз ни в чём не виноват.

Не успел он плеснуть себе новую порцию виски с содовой, проклятая пластиковая коробка затрещала снова!

Ну, от кого он сегодня ещё не получал ...здюлей?!

– Да?

– Это Парсонс.

Мейсснер как-то сразу почувал, как лёгкое головокружение и расслабление, принесённое огненным напитком, проходит, и голова становится кристально ясной и отлично соображающей. При осознании, что ему звонит лично советник по всей ближневосточной Зоне, заставили остатки здравого соображения в голову как-то быстро...

И эти остатки принуждали внимательно вслушаться в треск аналоговой старинной линии связи. Проложенной, пусть по древнему коаксиальному кабелю, зато – надёжно гарантирующей от прослушки со спутников или беспилотников: под землёй!

– Здесь Мейсснер, мистер Парсонс. Я... Вас слушаю.

– Нет, Мейсснер, это я – вас слушаю. Внимательно.

То, что шеф не назвал его «мистером» – понятно. Резидент шестёрок вроде него и в грош не ставит. Но вот что рассказывать... И – какими словами?! А придётся. Иначе...

Досрочное списание. Отставка. И – гарантированный «волчий билет».

А это значит – до конца жизни влачить унижительное существование на пособие!

– Да, сэр. Есть докладывать. Сегодня в пять четырнадцать мне доложили о гибели посевов на плантации расположенной на участке... – Мейсснер, утирая пот с лица и шеи уже посеревшим за утро платком, автоматически называл координаты, пытаясь в то же время сообразить – как объяснить промашку! Как могло случиться, что следящие системы не

выявили ничего потенциально опасного: ни радары, ни датчики движения, ни визуальный контроль не обнаружили ни малейших признаков того, или – тех аппаратов, или людей, которые могли бы повернуть такую сложную и трудоёмкую операцию, как обработка дефолиантами целого района! – А в пять двадцать восемь доложили о такой же ситуации в районе Зет-девять, координаты...

– Не нужно. Я знаю где расположен район Зет-девять. Дальше.

– Да, сэр... В шесть ноль три доложили... – Мейсснер уже не скрываясь, схватил бутылку, и отпил прямо из горлышка: плевать, что подумает начальство! Он чуял, что если не промочит горло прямо сейчас, не сможет продолжить: оно пересохло так, что каждое слово драло нёбо, словно раскалённый песок, а низ живота сводила судорога: будто кто-то волосатой ледяной рукой стискивал его пах и мошонку!..

Но через пару минут он смог собраться и доложить обо всех сигналах с мест, и рассказал о «принятых мерах»: хотя какие, к чертям собачьим, тут можно принять меры: подохшие растения не оживишь! А новые, если даже перепахать всё и засеять снова – не вырастут! Во-первых, уже потеряна влага, оставшаяся от зимних снегов и весенних дождей. А во-вторых – тщательно охраняемые и даже удобряемые участки потеряны на минимум на три-четыре года. Пока проклятый реактив не разложится от «естественных» природных факторов!

– Значит, разослали наблюдателей проверить... А что – были сомнения, что сторожа и обслуживающий персонал на местах могут ошибаться?

Мейсснер отлично понимал, что брякни он глупость типа «Да, сэр! Были!», тут же получит по-полной: зачем принимал на «работу» некомпетентный персонал?!

Поэтому он выдавил:

– Нет, сэр. Сомневаться в правдивости их донесений оснований не было. Я просто... Э-э... Хотел, чтоб мои люди на месте оценили *реальный* масштаб... Ущерба.

– И что? Они оценили?

– Да! Да, сэр... Ущерб практически близок к ста процентам. И большая часть растений уже... начала разлагаться. И стала... Абсолютно непригодной.

– Так. – Мейсснер услышал что-то вроде барабанной дробы. Он слышал от коллег о привычке шефа барабанить мотивчик «Звёзды и ленты» ногтями по полированной крышке рабочего стола, расположенного в удобной кондиционированной огромной комнате: кабинете в резиденции в Джайпуре, – Ясно.

Возникла пауза, во время которой Мейсснер забыл даже о том, что нужно дышать: ну как же! Решается его, да, наверняка и остальных лоханувшихся «советников», основной обязанностью которых как раз и являлись охрана и присмотр за изготовлением сырца, судьба!

Наконец в трубке раздался спокойный и нарочито ней-

тральный голос:

– Оставайтесь пока на месте. Ничего не предпринимайте до новых распоряжений.

– Ясно, сэр. Слушаюсь, сэр.

Шеф даже не соизволил дослушать или попрощаться – в трубке запикали весьма гнусенькие гудки отбоя. Мейсснер трясущейся рукой положил трубку на аппарат: осторожно, словно она могла его укусить.

Пока не укусила. Вот именно – пока!..

Но задница его чуяла: перебросят его теперь в какую-нибудь Оляску, или вообще – в Онтарктиду к пингвинам! И разжалуют – это уж как пить дать.

И придётся оставшиеся до пенсии годы мёрзнуть на сорокаградусном морозе по девять месяцев в году, да проклинать чёртовых русских, и...

Он схватил вспотевшей ладонью скользкое горлышко, и влил остатки виски в глотку, ощущая, как огненная жидкость обжигает горло и пищевод...

Проклятые твари.

Как они сами-то пьют свою водку без содовой?!..

Парсонс воспользовался для внепланового отчёта защищённой линией Посольства. Для чего ему пришлось подняться из подвала, пройти через весь огромный особняк, и снова спуститься: на второй подземный уровень.

Генерал слушал его доклад, как показалось резиденту,

рассеянно и вполуха: даже с кем-то переговаривался в кабинете, иногда явно отдавая трубку от головы.

И, что самое странное, разгона и бури, которых Парсонс ожидал, не последовало.

Вместо них прозвучала странная фраза:

– Я уже в курсе произошедшего. Прикажите своим людям пока оставаться на местах.

– Слушаю, сэр. Уже сделано.

– Хорошо. Ждите распоряжений.

– Да, генерал, сэр.

Генерал поступил как и сам Парсонс: не стал терять время на банальное прощание.

Трубку с сигналами отбоя резидент положил уже почти спокойно. Генерал сказал...

А что он, собственно, сказал?

Он сказал, что *уже* в курсе. Значит, есть независимая информация о произведённых противником «враждебных и агрессивных» действиях. Впрочем, это только их ведомство так эти действия характеризует. Потому что сволочные политики глупо про...рали в долбанном УОН-е, и их страну вынудили подписать ...раную конвенцию о борьбе с производством наркотиков. И наркотрафиком.

Так что официально их страна должна восторженно аплодировать тому, кто провёл столь эффективную операцию, и громко кричать о том, как они рады!..

Стало быть, источником может быть или доклад из дру-

гой резидентуры, которая обнаружила нападение на подотчётные территории раньше, или... Или данные пришли со спутников и беспилотников.

Полковник закрыл глаза. В сознании сразу возникла картинка, которую он однажды почти случайно в аппаратной...

На фоне жёлто-коричневых и серо-стальных горных хребтов, и затянутых белёсо-туманной дымкой лощин, парит чёрная точка. При укрупнении превращающаяся в крест. Неравноплечий, необычный на вид. И весьма страшный для того, кто в курсе его колоссальных огневых возможностей.

Беспилотник «Глобэл-хок эйч пи» в размахе крыльев больше, чем ширина бейсбольного поля, но отсюда, из пучин космоса – смотрится крохотным безвредным макетом. Подвешенным на нейлоновой нити где-то над глобусом. Собственно, и у русских их «Ястреб» – лишь на пару метров поменьше в размахе закамуфлированных крыльев...

Нетрудно представить, как такой, взлетевший незадолго до полуночи, монстр, за каких-то три часа преодолевает две тысячи км от базы в Бешкике, и достигнув расчётной точки, выпускает из расколовшегося брюха несколько десятков дронов, управляемых наземными операторами, сидящими в бункере под Чарджуу. После этого не пройдёт и пары часов, как все вычисленные противником давным-давно с той же орбиты, или с беспилотников, плантации, окажутся обработаны! Распылить пару литров реагента на площадь даже с Богдад – не проблема! А новый Би-259 *необычайно* эффек-

тивен! И после него мак, и прочие опиумсодержащие растения не всходят на обработанной земле до пяти лет!..

Дроны-распылители пусть и не столь быстры, как выпустивший их «Ястреб», но – за два-три часа, пока не взойдёт солнце, и сторожа не обнаружат диверсию, успеют убраться с территории Афганистана. А противнику только этого и надо!

Чтоб не осталось следов.

Собственно, даже если б следы и остались, ничего особо страшного для врагов не произошло бы: во-первых, на всех деталях дронов стоит клеймо «сделано в Кхатае» – сам Парсонс не присутствовал при разборке единственного попавшего в руки отдела технических новинок образца, разбившегося в предгорьях Пакистана, заряд самоподрыва которого почему-то не сработал, но видел фотографии и чертежи: умное и практичное устройство! Ещё бы – россияне других не делают! А кхатайцы отмажутся традиционно: «мало ли кто не использует в своих аппаратах их дешёвых и надёжных деталей!»

А во-вторых – Конвенция! О всемирной борьбе с...

Будь оно всё неладно!

Подумав, и покусав многострадальные губы, на которых уже живого места не было, резидент ближневосточного округа отпер левый ящик стола.

Бутылку дороженного настоящего скотча он приберегал, разумеется, для более торжественного и приятного случая.

Например, когда ему поступил бы отчёт о том, что готовая партия героина, семьдесят процентов мирового производства которого негласно (Впрочем, об этом давно знают и разведка, и даже трубят во всеуслышание СМИ противников!) контролирует его ведомство, оттерев от этой кормушки даже Великобританскую королеву, уже благополучно пересекла границу толерантной Гелландии. Откуда её уже не торопясь...

Но, похоже, в этом году надежда на это так же реальна, как сохранить прошлогодний снег на раскалённой сковородке!

Поэтому пока не отправили начальником гарнизона какого-нибудь онтарктического поста, к пингвинам и моржам, надо...

Э-эхх...

Акватория тихого океана.

Капитану «Джорджа Вэшингтона» повезло.

Если можно назвать везением то, что его АПЛ первой подверглась нападению «Тередо супериорус».

Но это куда позже, спустя пару месяцев, чёртовы учёные умники их так окрестили. По науке. А тогда, когда Сэм Бауэрс обнаружил странную течь в девятом отсеке, они этого гордого названия не носили. Да они вообще никакого названия не носили!

Они, по-идее, и существовать-то не имели никакого пра-

ва!

Потому что – что это за твари, которые могут прогрызть два дюйма молибденово-вольфрамовой стали?!?! А до этого – преодолеть пятидюймовое, по прочности ничуть этой самой стали не уступающее, покрытие из эпоксидно-кевларовой мастики, снижающей шумность боевой лодки, и страхующей от зарядов торпед и противолодочных мин.

О существовании таких тварей капитан первого ранга Сэм Бауэрс, назначенный на «Джорджа Вэшингтона» вначале старшим помощником капитана Гендерсона, и к моменту нападения (по-другому это происшествие и не назовёшь!) три года как заменивший ветерана, и уже сам полностью отвечавший за функциональную готовность вверенной ему техники и боеспособность двухсот десяти человек личного состава, попросту не подозревал.

Поэтому, когда моторист второй категории Элайджа Айзекс доложил на мостик, что в отсеке номер девять – течь, Бауэрс не то что насторожился – пришёл в ужас: если сдали два дюйма прочного стального корпуса, и пятидюймовая оболочка, дела – хуже некуда! Поскольку герметичность этого кокона может быть нарушена только каким-то уж чрезвычайно прочным инструментом: вроде алмазного бура!

А уж ремонту подлежит только в стационарном доке! Если вообще подлежит...

Поэтому он немедленно дал команду на подвсплытие до пятидесяти футов, (плевать на «опасность обнаружения со

спутников»)!) и приказал бригаде дежурного инженера сломя голову бежать в девятый отсек.

Сам же вывел на центральный экран изображения с видеокамер аварийного отсека, и принялся внимательно изучать обстановку. Так, вода хлещет – будь здоров. Ага – вот напор уменьшился: упало забортное давление в результате подвсплытия. Вода вся благополучно уходит через шпигаты – вниз, в трюм. И на пульте у него под боком мигает зелёный огонёк: стало быть, трюмная помпа уже начала аварийную откачку.

Вообще-то девятый – это опасно близко к реактору и шахтам ракет. Разумеется, и ракеты и реактор АПЛ – святая святых! – защищены надёжно. Да и все системы, отвечающие за их нормальную работу и сохранность, многократно дублированы, но...

Но лучше бы этой странной течи не было! Потому что...

Ну вот не должно в современной сверхзащищённой и сверхпрочной подлодке быть течи! А раз появилась – в голову начинают стучаться, ревя, словно стадо кастрируемых баранов, тысячи глупых и навязчивых мыслей!

Спустя три минуты дежурный инженер подошёл к переговорному устройству прямо под первой камерой отсека. Взглянул в объектив:

– Капитан, сэр? Разрешите доложить?

– Слушаю вас, Тондерн.

– Течь... Устранена. Но... Мы обнаружили во внутренней

обшивке...

– Да?

– Не знаю, как точнее сказать, сэр. – с растущим чувством надвигающейся катастрофы, Бауэрс слушал, как нотки сомнения, страха, и недоумения прорываются в голос всегда такого спокойного и компетентного специалиста: ещё бы! Шесть лет на подлодках! – Словом, в прочном корпусе тоже дара. Соосная с выходным отверстием. Круглая. Диаметром с полдюйма. И хлестало оттуда, пока не понизилось давление забортной воды – будь здоров!

Но сейчас всё заделано.

– Вас понял, инженер. Чем, по вашему мнению, могла быть проделана такая дыра?

– Затрудняюсь сказать, сэр. Дыра, конечно, не идеально круглая... Но похоже всё же на сверло. Только не обычное, типа победитового, сплошного, а – колонковое. То есть, такое, у которого резцы-алмазы по краям, а в середине – отверстие для отбора проб!..

– Подозреваете, что кто-то смог подвести к корпусу лодки аппарат для отбора проб покрытия и металла?

– Э-э... Да, сэр. Вот только не представляю себе, как это возможно было на глубине ста фантомов!*

* Около четырехсот метров.

– Я тоже не представляю. Однако раз течь заделана, можете вернуться к своим основным обязанностям. На рабочее место.

– Есть, сэр.

Однако не прошло и полминуты, как инженера и его троих подчинённых пришлось вернуть. На этот раз в восьмой отсек: появилась новая течь! С этой справиться удалось за две минуты: поскольку все материалы и инструменты были у бригады с собой.

Но уходить из отсека Майк Тондерн не спешил: мало ли!..

И точно. Новое отверстие появилось буквально у него на глазах! И появился и...

Его создатель!

Капитан Бауэрс не без нарастающего удивления пронаблюдал, как инженер и один из его помощников пытаются что-то явно скользкое и подвижное, быстро и хаотично перемещающееся по палубе, схватить, и даже используют для этого огнетушитель и пластиковую кювету, в то время как двое техников заделывают третье отверстие.

Тондерн подошёл снова к переговорному устройству. Глаза снова посмотрели в камеру: на этот раз расширившиеся и бегающие:

– Сэр! Тут, тут... Э-э... Словом, вам лучше бы глянуть самому!

Бауэрс понял, что Майк не хочет, чтоб остальные офицеры из дежурящей на вахте смены, что-то *это* увидели. То, что сейчас покоилось в пластиковой кювете, и то, что он сам первоначально на изображении принял за кусок чёрного шланга.

– Сейчас буду. – Бауэрс обернулся к старпому, – Грини. Займите моё место.

– Есть, сэр! – сопящий старпом – не иначе, подглядывал через плечо Бауэрса на то, что происходило на экранах! – (Да и правильно: ему-то по должности положено! Сэм и сам когда-то...) – сел в вахтенное кресло капитана. Капитан не стал мешкать: раз возникло три течи подряд, никто не гарантирует, что не возникнет новых!

Причём – в самое ближайшее время!

Пока он преодолевал несколько комингсов и отсеков, инженер успел переложить кусок «шланга» в стеклянную банку: не иначе, посылал кого из своих в камбуз!

Странная штукавина оказалась не больше не меньше, как – корабельным червём.

Бауэрс видел таких на цветных рисунках, посвящённых истории парусного Флота, который они наряду с сотнями архаических, и никому, как он тогда считал, не нужных анахронизмов, тоже изучал в Академии: круглые челюсти с бисеринками-зубчиками по периметру рта, тощее вытянутое тело, похожие не то на веер, не то – на потрёпанные кружева, отростки на задней части тела: жабры. Их червь выставляет наружу, пока грызёт древесину корпуса судна – чтоб не задохнуться. Вот же блинн...

Запищало переговорное устройство: мостик.

– Сэр. Это Грини. У нас ещё две течи: в пятом и седьмом!

– Отправляйте туда вторую и третью вахту! И срочно поднимайте всех, кто сейчас спит! Похоже, отдохнуть нам всем удастся... Не скоро!

То, что себе под нос капитан буркнул «если вообще удастся!» не слышал уже никто.

По дороге на мостик Бауэрс напряжённо думал.

Если нападение червей – не спланированная противником атака на его судно, а – именно природное явление, вероятней всего, что твари продолжат своё дело! То есть – будут буравить корпус его корабля, не осознавая, что таким образом могут его просто утопить! Животные же!

Или...

Или кто-то смог вывести этих монстров с такими челюстями, которых принципиально не бывает в природе... А заодно и научил тактике такого массированного нападения: потому что рано или поздно, если червей окажется больше, чем готовых противостоять им людей, и на борту закончатся средства герметизации, подлодка утонет.

Поэтому, как бы трусливо или глупо это не выглядело, нужно...

Войдя в рубку, он обратился сразу к штурману:

– лейтенант.

– Да, сэр? – штурман, лейтенант Уорден, вскинул голову от экранов радара и сонара.

– Сколько до ближайшей земли?

– Девяносто миль, сэ. Острова Туамуту.

– Немедленно проложите курс. Сообщите направление вахтенному. Прямо сейчас. – Бауэрс щелкнул селектором переговорника, – Машинное. Самый полный. – новый щелчок, – Реакторная. Быстро выведите реактор на *полную* мощность!

– Но сэ... На это понадобится не менее десяти минут! Контурсы холодные!

– Ну так прогрейте их! И поживей! Иначе рискуете там у себя и остаться! Навсегда! – Бауэрс раздражённо подумал, что изоляция отсеков с реактором и «ограниченная самостоятельность» его смены, равно как и их влюблённость во вверенную их заботам мощь, граничащая с обожествлением чёртова агрегата, иногда сильно раздражает. Хотя именно изоляция этого отсека – обязательное условие на время боевых действий. И дежурств.

– Дежурная вахта мостика. Экстренное всплытие. Прокачать досуха все балластные цистерны. Сбросить весь балласт. Да, *весь!* Связист. Быть готовыми передать СОС.

Но передавать сам сигнал Бауэрс не торопился: насосы трюмов и дежурные техники в первые полчаса неплохо справлялись.

Однако дальше дела пошли как он и предполагал: хуже.

Пока подлодка на максимальной надводном ходу в сорок восемь узлов, наплевав на все секретные предписания, нормативы, и прочие сверхважные бумажки, утверждённые

Штабом, стремительно неслась к вождедённным отмелям Туамуту, Бауэрс успел за последующие полчаса отрядить ещё сорок пять человек на заделывание ещё пятнадцати отверстий. И прекрасно понимал: возникновение новых теперь – дело только времени.

Проклятые червяки наверняка надёжно угнездились в наружной, пласто-силиконовой, оболочке. И сейчас медленно но верно прогрызают, неведомо уж как, последнюю преграду – стальной корпус!

И если он хочет спасти своих людей и свой корабль, неумолимо превращающийся в высокотехнологичное, но абсолютно беззащитное перед новой неведомой напастью, решето, мешкать и соблюдать сверхумные инструкции – некогда!

Через ещё полчаса пробойн стало тридцать три, а через ещё час – девяносто шесть, или больше: считать уже не успевали! Как и заделывать!

Несправляющиеся с поступающим даже под минимальным давлением воды, объёмом, трюмные помпы раздражающе мигали на контрольной панели: уже красными огоньками. Сообщая то, что Бауэрс и так понимал: жить его судну осталось – считанные минуты!

Когда оказалось, что в трюме на метр воды, подлодка уже находилась в пяти милях к западу от крайнего острова архипелага Туамуту. Но Бауэрс понимал: радоваться рано! Нужно найти подходящий рельеф дна побережья – иначе они за-

сядут на камнях! Впрочем, им со штурманом удалось найти нужный пляж быстро.

Включенная на полную мощность резервная, ревущая, словно раненный лев, помпа, ощутимого эффекта тоже практически уже не давала, и Бауэрс буквально всем телом ощущал, как верная, и лишь недавно столь послушная его рукам громада всё глубже погружается в воду! Ну, держись, держись, милая – осталось несколько минут!

Перед выбросом на прибрежную отмель он приказал создать дифферент на корму, чуть заполнив её балластные цистерны: чтобы лодка могла продвинуться как можно дальше на сушу. Как раз подгадали к приливу, поэтому опасаться, что лодку утянет снова в океан и там затопит, оказалось не нужно.

Но всё равно капитан велел запустить все три винта на полный задний – затормозить, и лишь на самом малом въехал на отмель пляжа. Необходимо учитывать, что если стягивать отремонтированного ядерного монстра будут буксиры, нужно дать этим работягам хоть какой-то шанс. А закрепиться на отмели можно и устаревшими, и нужными, как он до этого считал, как рыбе – зонтик, якорями!

Всё!

Экипаж и лодка спасены от вечного упокоения в пучинах на глубине двух миль! Где учёные и операторы спецаппаратов тщетно пытались бы доискаться до причины её гибели...

Вот теперь можно прекратить игнорировать гудки и воз-

мущённое жужжание сверхсекретного аппарата экстренной связи, делая вид, что вызовы от Штаба Флота не доходят!

Потому что теперь умники из исследовательского отдела и боссы из ЦРО смогут воочию убедиться, что ни он, ни его экипаж – не бредит. И не «допился до белой горячки».

Потому что чёртовых червей в стеклянных банках набралось уже с десятков!

И хоть они стекло почему-то прогрызть и не могут, но – живее всех живых!..

В голосе адмирала Форрестера, казалось, имелось что-то вроде облегчения:

– Ну наконец-то! Бауэрс! Почему не отвечали?! Докладывайте.

– Есть докладывать, сэр. Вверенная мне подлодка в настоящее время находится на северной отмели самого северного острова архипелага Туамуту. – Бауэрс продиктовал переданные ему на листочке штурманом координаты, – Корпус очень сильно повреждён. Непрерывно откачиваем поступающую воду, но, думаю, это не поможет: трюм затоплен уже на два метра, и уровень воды продолжает повышаться. И... Нападение тоже продолжается.

– Повторите. Что за нападение?!

– На нас напали черви, сэр. Корабельные черви. Отверстий в прочном корпусе уже более четырёхсот, и это число продолжает увеличиваться. Так что думаю, сэр, что нам не

удастся спасти оборудование и корпус лодки от полного затопления, пока не...

Не будет найдено средство, позволившее бы предварительно убить чёртовых тварей!

– Так. Понял вас. – удивительно!!! Адмирал даже не пытается указать ему на то, что он – наглый лжец. Или спятил! Значит ли это, что и другие АПЛ... Эту и сотни других возникших мыслей прервала команда адмирала, – Глушите реактор, капитан. И спасайте команду. Не пытайтесь заделать течи. Насколько я понял, вы рядом с сушей?

– Д-да, сэр.

– Вот и высаживайтесь туда. Организуйте временный лагерь, возьмите запас продуктов, воды... Поставьте палатки. Постараюсь выслать транспорт для эвакуации в самое ближайшее время.

– Но сэр!.. А как же лодка?!

– Не беспокойтесь об этом. Похоже, все наши лодки за последние четыре часа превратились из мощнейшего оружия – в пукалки не страшней огурцов. Впрочем, это касается не только лодок.

– Сэр?!..

– Это – защищённая линия. Думаю, ничего страшного не случится, если я скажу вам, капитан. За последние два часа мы потеряли сорок две лодки, слава Богу, что капитанам удалось всплыть, и спасти команды на шлюпках. Авианосец «Немец», еще пять авианосцев, и ещё тьму надводных ко-

раблей поменьше. Хорошо хоть, дерево и резину шлюпок твари не трогают...

С пятью АПЛ так и не удалось связаться: сейчас в те районы, где они вели патрулирование, посланы беспилотники: для обнаружения выживших. Если они есть... – в голосе адмирала теперь звучала не столько печаль, сколько горечь. – Не знаю, как противнику это удалось, но похоже, червей запустили везде одновременно: очень грамотная стратегия, особенно, если учесть, что первые два часа мы тут в Штабе вообще не верили поступающим рапортам!

Адмирал замолчал – на этот раз надолго. Бауэрс решился спросить:

– Так – что, сэр? Даже боевое охранение вокруг лодки не выставлять?

– Ну почему же. Выставляйте. Насколько я помню, даже на складах, где хранится динамит, оставшийся в снарядах от первой и второй мировой, есть охранение. – в наушнике раздался нервный смешок, – А, похоже, что скоро именно он нам и понадобится – старый добрый проверенный временем динамит. Потому что всё, что плавает – и плавает с металлическим корпусом! – окажется пущенным на дно.

И придётся вернуться к горячо любимым парусникам и надувным лодкам из резины!

Ну, или судам на воздушной подушке! А то мы всё недоумевали: зачем нашим «друзьям» из Альянса эта дорогостоящая и непрактичная хрень!..

Нью-Йорк таймс.

«... с почти невероятной по наглости циничностью! И пусть доказать пока ничего не удалось, наши силовые структуры практически в этом уверены...» – Крамер с раздражением отшвырнул пилотный экземпляр. Проклятье! Козёл трусливый! Разве *так* надо писать?!

Он схватил трясущейся от гнева рукой трубку внутреннего телефона:

– Типография? Не запускайте пока в печать! Сейчас я вам скину текст исправленной передовицы! Да-да, про инцидент на параде!

Так. Вот эту первую фразу можно оставить – она просто сообщает то, что ещё не известно тем, кто почему-то не слушал радио: о крушении проклятого Ф-44 «Аллозавр». Что он потерпел катастрофу... Так, вот эта запятая – лишняя, и повтор вот здесь тоже он вычеркнет. Есть, с первым абзацем разобрались.

А вот что надо написать во втором абзаце:

«Свидетели практически единогласно утверждают, что самолёт словно ударился обо что-то носом, со страшным скрежетом сложившись в гармошку! После этого фюзеляж напоминал раздавленную в пепельнице сигарету, и падение с высоты примерно пятиста футов произошло за считанные секунды. Ни один из лётчиков не спасся: да это было бы и

удивительно, учитывая, что самолёт, гордость нашего ВВС, оснащённый самым передовым оборудованием, за долю секунды превратился в груды изуродованного металла!

Разумеется, данные бортового самописца ещё не расшифрованы, но только полный идиот, или маразматик, посчитал бы катастрофу такого рода, да ещё во время парада на День Независимости, прямо над центральной трибуной, заполненной почётными гостями и высшим военным руководством страны – СЛУЧАЙНОСТЬЮ!

Скорее, случайностью явилось то, что груды металлолома, секунду назад бывшая нашей лучшей моделью истребителя, не рухнула на эту самую трибуну, и зрителей, пришедших полюбоваться шоу, и ощутить законную гордость от осознания могущества своей родины. Которое внезапно прямо на их глазах превратилось в пшик!

Никакого сомнения в том, что здесь было задействовано новейшее оружие Альянса, носящее пока условное название «Силовой блок», у членов Комиссии, срочно созданной Министерством обороны, разумеется, нет. Однако доказать это с гарантированной однозначностью, разумеется, наверняка не удастся! Разве что силовые поля русских и кхатайцев облечены в материальную форму, вроде бетона, или стали, и их осколки обнаружатся в носу злосчастного «Аллозавра». Потому что иначе обнаружить «стену», в которую на скорости более под пятисот миль врезался новейший истребитель ВВС СШО, так же реально, как следы затонувшей Атланти-

ты на макушке Эйфилевой башни.

Однако всем здравомыслящим гражданам, испытавшим чудовищный удар по самолюбию, и до самых глубин души прочувствовавших горечь утраты, ясно одно. Промышленный и военный приоритет утрачен. И нет достаточной компетентности и технической оснащённости у наших спецслужб, неспособных, получается, обнаружить диверсию врагов даже на территории не то, что страны, а и – столицы!

Разумеется, неприятно и больно осознавать катастрофическое отставание технологий наших Вооружённых сил, ничего не могущих противопоставить «Силовому блоку». Применённому с циничной наглостью: именно продемонстрировать нам его действие! Даже четырёхлетним мальчуганам, пришедшим на парад с родителями, кристально ясно, что против нашего «Аллозавра» было использовано новейшее дистанционное секретное...»

Так. Вот теперь нормально. А остальную демагогически-патриотическую ахинею, с примерами того, как девочка Полли потеряла в возникшей панике и давке свою куклу, и безутешно рыдала, или как подслеповатый мистер Смит заработал второй инфаркт, обнаружив плачущего адмирала, которую на добрую тысячу слов развёз Дональд, можно и оставить.

Крамер ткнул «сохранить изменения», и переслал статью вниз.

Снова взял трубку:

– Получили?

– Получили.

– Уложилось в колонку?

– Минуту... – было слышно, как выпускающий редактор щёлкает клавишами своей старомодной клавиатуры, – Уложилось.

– Отлично. Чтоб через... – он глянул на светло-кремовые настенные часы над дверью. Отлично. Они укладываются, – Шесть минут первый экземпляр лежал у меня на столе!

К дому Крамер подъезжал уже не торопясь.

А куда спешить, если работа выполнена. И выполнена на совесть!

Свет в окнах коттеджей соседей сказал Крамеру, что ещё нет одиннадцати: иначе у Моммсенов уже было бы темно. Они ложатся рано, потому что сам глава семейства любит поспать подольше. Это у детей, в окнах северной стороны, горит до трёх. А иногда и до утра.

Но воспитание подрастающего поколения в духе дисциплины, типа своевременного укладывания – проблема Моммсена. У Крамера же ни жены ни детей нет.

Загнав машину в гараж, он прошёл к парадному. Отпер, шагнул внутрь тёмного коридора и положил руку на выключатель.

Вспышка света совпала с негромким хлопком.

Крамера что-то сильно ударило в ступню, и одновременно дикая боль пронзила его тело: из ноги – до макушки!

А-а-а!!!

О-О-О!!!

Что это?!

Рефлекторно удержавшись на второй ноге, и схватившись ладонями за стену, он опустил глаза вниз.

Вот б... !!! Чудовищно!!!

Его левой ступни – как не бывало! Вместо неё косым обломком белел кусок берцовой кости, окружённый кровотокающими ошмётками его плоти, и болтались обрывки окровавленной штанины!

А боль была такой, что он не мог даже кричать, и только жалобно постанывал!..

Пришлось опуститься на пол прямо возле двери, и достать мобильник, жутким усилием воли заставив тело выполнить эти простые действия: натюкать 919, и дожждаться ответа:

– Служба спасения, слушаю ва...

– Скорее! Служба спасения! Пришлите скорую. И полицию. Это Рэнсом Крамер. Адрес: Кленовая сто... – он назвал адрес, стараясь, чтоб рот не сводило судорогой, и слова вылетали чётко. Понимал: от этого зависит его жизнь! – Быстрее, ради Бога! Только что мне миной оторвало ноги! Я... Истекаю кровью!

Он услышал, как защёлкали селекторы где-то на том конце провода, голос отдалился, и женщина стала чётким и ничуть не взволнованным тоном пересказывать то, что он только что сказал, троим другим абонентам. Затем её голос сно-

ва зазвучал громко:

– Пожалуйста, оставайтесь на связи. Машина скорой помощи, полиция и сапёры выехали. Вы... В состоянии оказать себе первую помощь сами?

– Какую?! Какую на ... помощь?! – он недоумевал, что за дура ему попалась?! Что он может *сделать* сейчас?!

– У вас болевой шок, сэр. Вам нужно лечь на спину, и постараться каким-нибудь жгутом перевязать ногу выше раны – чтоб не истечь кровью до прибытия врачей. А затем принять что-нибудь сердечное, если такое есть в ваших карманах, или где-то поблизости, и сделать в ногу укол – если есть что-то обезбаливающее.

Чёрт. А ведь она дело говорит...

Где-то у него в карманах действительно есть нитроглицерин. И до шнура от настольной лампы он доползти вполне... А вот насчёт шприца с морфием... Только у врачей.

Засунув три крохотных таблеточки под язык, он, преодолевая дикую боль, всё же смог поднять ногу повыше: кровь уже на выплёскивалась из перебитых артерий с каждым торопливо-суматошным ударом его сердца! Зато жутко тошнило, и кружилась голова... Ах да: кровопотеря!.. Но ему сказали, как её...

Так... Теперь – как бы подползти вот туда, в угол...

Ёрзая на лопатках, и оставив озабоченно-беспокойный голос метаться в трубке, брошенной на пол, он-таки добрался до настольной лампы. Вначале нужно вынуть её вилку из ро-

зетки. (Он ещё не настолько в панике, чтоб не бояться электричества!)

Оторвать шнур от станины-подставки.

Вот здесь, под коленом, он и перетянет... Ай, б...! Твари. С-суки. Ну ничего-ничего!

Он им ещё!..

Убедившись, что туже затянуть не удастся, он завязал и второй узел: плевать! Когда надо будет – разрежут! Теперь бы не потерять сознания... Хотя какая разница: наркоз так и так дадут. Вероятно, общий: чтоб уж он не мучился во время операции.

Ампутация. Страшно звучит. Словно приговор...

Протез?! Не-ет, такого он точно не... Но лежать бревном в постели, или сидеть остаток жизни в инвалидном кресле – ещё страшнее!..

Вот же п...расы! Мерзавцы! Так нагло действовать, да ещё в городе! В *этом* городе! Не-ет, он им это так не оставит! Самому, конечно, не так сподручно писать про себя, но в данном случае он готов сделать исключение...

Записать бы, пока помнит, основные тезисы – сколько сейчас времени, и как его...

Вон: на столике, как специально – клочок бумаги, любимый старомодный «Паркир» – в кармане. Время на мобильнике – одиннадцать ноль во...

А что это здесь уже выведено? Печатными буквами. Словно писал ребёнок...

«Следующая – Дорис».

Что бы это...

О-о...

Он отлично знает, что это значит.

Если он не прекратит «бичевать» Альянс, и «срывать покровы», они убьют его дочь.

Его малышку-Дорис...

Оно, они...

Вот же твари!.. Знали, где у него – самое больное место, и куда надавить, если он не поймёт «намёка»! И вот он – понял.

От бессилия Крамер заплакал. Позволил даже себе закрыть лицо руками, и не сдерживать рыданий.

Потому что точно знал: когда так же, на mine из пластикового листа, срабатывающей от фотоэлемента, погиб Веласкес, никого и ничего не нашли. Потому что те, кто поставил эту мину – профессионалы. И точно рассчитывают, где будет нога жертвы, когда он в темноте войдёт в дом, и захочет включить свет... Мина работает чётко: дальше нескольких дюймов её дробящее-бризантная начинка ничего не повреждает! Да и те, кто её установил...

Следов не оставляют.

Так же как и шансов – жертве.

Никогда.

Остаётся...

Заткнуться в тряпочку, и мирно уйти с поста главного ре-

дактора «Нью-Йорк таймс»...

Тем более что ему – шестьдесят девять.

Заслужил свою пенсию!..

Конец гибридной войны.

– Ещё раз спрашиваю, сержант! – то, что его из лейтенантов превратили не сразу в рядового, а пока – только в сержанты, сказала Локусу, что генерал ещё надеется спасти ситуацию, – Как эта хрень оказалась здесь?! На пятнадцатом подземном уровне сверхзащищённого и суперохраняемого здания?!

«Хрень», которую генерал держал в руке, уже не представляла угрозы, поскольку вся её начинка оказалась разрушена: съедена выпущенной из встроенного контейнера кислотой. А сигнал на самоуничтожение, судя по всему, поступил в управляющий центр «хрени» в тот момент, когда Локус сдуру заорал:

– Нашёл! Вот она! – после чего попытался выковырять «подарочек» из короба системы вентиляции с помощью самой обычной швабры. Вот тогда-то штукovina и зашипела, и кислота пошла изо всех её щелей, заставляя щуриться от едкого дыма, и следить за тем, чтоб не попало на тело и одежду...

С другой стороны, если б не поступила команда внепланово проверить все закоулки и системы на предмет обнаруже-

ния странных помех, и «посторонних подозрительных предметов», эта штукавина запросто могла проработать там, в недрах кондиционера, ещё добрых пару недель – до очередной плановой проверки со стационарными детекторами.

– Да, сэ. Я... Постараюсь предположить.

– Да уж, постарайтесь! – генерал не договорил, но Локус отлично понимал, что тот может сказать: «иначе дослуживать ваш контрактный срок вы отправитесь на самую дальнюю и необустроенную полярную станцию на Оляске!».

– Ну, если бы я был нашим противником, которому нужно было бы через устройства типа вай-фая подсоединиться к внутренней, проводной, или – беспроводной системе коммуникаций наших компьютеров, и телефонов, я бы... Конечно, лучше всего, чтоб её пронесли непосредственно, но... – Локус по качанию головой и съехавшему чуть на бок рту понял, что начальство не в восторге, и не верит: пропускная система у них – выше всяких!.. – Ну, или при забрасывании её снаружи, по воздуху, я бы... – тут он почувал себя уверенней: начальство покивало. Видать, и само обдумывало именно такую версию!

– Вначале я запустил несколько сотен ложных целей – сбить с толку наши радары и системы обнаружения. – действительно, Локус слышал в столовой, чисто случайно, что несколько килограмм невесомейшей алюминиевой фольги словно бы случайно распылили над зданием ЦРО в Лэнкли несколько недель назад – якобы, это оказалась ошибка ме-

теорологов, проверяющих их же, то есть – ЦРО, теорию о нападении на климат СШО с помощью русских, вендийских и кхатайских «Харпз-ов», – А затем с какого-нибудь безметаллического беспилотника – чтоб его не брали радары: и простые, и с фазированной решёткой! – я спустил бы эту штуковину на борту какого-нибудь, тоже пластикового, дрона. Так, чтоб тот приземлился к нам на крышу, нейтрализовав, или обманув каким-то образом все наши датчики – давления, движения, тепла, и так далее, и...

После этого дрон вскрыл бы решётку, спустил вот эту гадость на тонкой нити вниз: в шахту кондиционирования. А решётку дрон заварил бы обратно. После чего улетел бы. А эта, как вы выразились, сэр, «хрень»...

Вот, сэр: вы же видите суставчатые манипуляторы с захватами, и колёса? Следовательно, этот миниробот – сверхпроходим, и самодостаточен. И легко может добраться до места, откуда можно на расстоянии проводные, или даже беспроводные сигналы, идущие по внутренним линиям здания, считывать. Дешифровывать. Компоновать в сверхъёмкие пакеты информации. И отправлять эти пакеты в... Нужное место. Вероятно, на спутник. Или – беспилотник. Пролетающий над нашим зданием в строго фиксированное время.

Разумеется, кто бы ни придумал и не провёл эту, или любую аналогичную операцию, должны понимать: рано или поздно мы такие, сверхмощные, импульсы – обнаружим. Поэтому насколько могу судить, они и старались, чтоб импуль-

сы шли пореже: примерно раз в неделю. Да и то: мы почухались-то только после тре... – Локус прикусил язычок, так как брови начальства грозно сошлись над переносицей. Ладно, он вернётся к основной теме:

– Так что внутри должно быть нехилое обеспечение. огромная память, мощный передатчик, блок-дешифратор, процессор для осуществления движения и самонаводки. На наши кабели. Телефонные, компьютерные, видеонаблюдения, и так далее. Или – радиоимпульсы телефонов, модемов и прочего. Режим внешнего управления абсолютно исключён – значит, эта штукавина самопрограммирующаяся. Эх, взглянуть бы на программное обеспечение... – Локус вожде-лённо облизнулся, на мгновение забывшись, и позволив фанатичному специалисту на краткий миг возобладать над тем фактом, что он – в первую очередь подчинённый!

Однако от генерала этот демарш не укрылся:

– Восторгаетесь? – но Локуса не испугали даже свирепо раздувшиеся ноздри:

– Если честно? Да, сэр! Ещё как восторгаюсь! Ума не приложу, как оказалось возможным столь большой объём возможностей разместить в столь малом корпусе! И ведь процессор наверняка – был не больше спичечного коробка! Нам для подобной боевой программы понадобилось бы материнская плата, или набор плат – с добрый чемодан! Ну, помните, наши «думающие» дроны? Вертолёт, катер, беспилотник? Там мозг – жрёт буквально киловатты, а места занимает...

Ну, как человек! От которого мы так упорно стремились отделаться, как от «слабого звена»!

– Так. С вами, Локус, всё понятно. – генерал уже успокоился. По-крайней мере внешне, – Стало быть, все сигналы, вся информация, которая проходила по внутренним каналам связи – телефонные звонки, переговоры через спутник, передачи на другие компьютеры – наверняка перехвачены?

– В этом крыле здания? Да, сэр. И, боюсь, раз уж эта штука проработала здесь не меньше пары-тройки недель – уже переправлена. Туда. Через спутник, или беспилотник. А оттуда – в... То место, где её дешифруют.

– И сделают соответствующие выводы. – генерал не стал добавлять, что все сверхсекретные и сверхдорогие разработки аналитиков и стратегов накрылись медным тазом.

И теперь их «конторе» остаётся только отказаться от них. Или срочно придумывать новые, а намеченные операции отменять. Что влетит в ту ещё копейку. Но Локус и сам догадался, что сейчас происходит под короткой форменной стрижкой и фуражкой в голове начальства.

Однако оно «очухалось» от удара по бюджету и престижу быстро. Ну, сравнительно:

– Вот что. Берите эту хрень. Берите, берите. – Локус бережно, чуть ли не с благоговением, снова взял штукотину из мускулистой загорелой ладони, оказавшейся под фирменным кителем, – И разберите её до винтиков. А будет нужно – и до атомов. Восстановите всё, что сможете. Хотя бы об-

щую схему компоновки деталей и блоков. Прикиньте реальные возможности: ну там, объём памяти, радиус действия, возможная длительность автономной работы, и прочее такое. Электронное. Доложите через... Скажем, шесть часов. Задача ясна?

– Да, сэр! Есть, сэр! – Локус просиял, – Не сомневайтесь! Сделаю всё, что смогу!

– Отлично. – генерал позволил себе криво ухмыльнуться, – Буду ждать вашего доклада. А сейчас – ступайте. Вижу, как у вас руки чешутся.

– Э-э... так точно, сэр. Есть идти в лабораторию, сэр! – Локус понимал, конечно, что сейчас думает генерал: «Идиот. Восторженный мальчишка. Ему сейчас наплевать, что сверхсекретные, десятилетиями подготавливаемые планы – революций в странах «непосредственного интереса», диверсий и акций устрашения, пароли, явки, имена и фамилии агентов, или осведомителей, и прочее ценнейшее богатство серверов подвала ЦРУ оказались, по всей видимости, в распоряжение противника. Ему важно только понять, как устроено чудо вражеской технологии: сверх-навороченная и суперпродвинутая шпионская техника. И не за утраченные секреты родной страны, и не за возможное поражение в этой необъявленной, но от этого не менее смертоносной, войне, этот фанат электроники болеет. А за возможность более эффективно конструировать устройства подобного типа. Самому.»

Локусу стало стыдно – он почувствовал, как уши чуть тро-

нул румянец. Но – только тронул!

Потому что все сомнения и угрызения мгновенно куда-то испарились, когда он снова глянул на зажатую в правой руке штуквину:

– Есть, разобрать до атомов, сэр!..

Подземка.

Если честно, ему подходила любая станция пересадки. А не только та, что была указана в инструкции. И даже не обязательно было дожидаться часа пик.

Поэтому Николай вышел из дома около четырёх. Неторопливым шагом прошёл все два километра до ближайшей станции столичной подземки. По дороге невольно старался не пялиться, словно нашкодивший школьник, в объективы, но и не отводить глаза в сторону от уличных видеокамер: такое поведение скорее всего остального может привлечь к нему внимание! Сволочи психологи и науськиваемые ими программисты научились так программировать мозги следящих систем, что даже чуть более напряжённое выражение на лице уже вызывает срабатывание автоматики.

И процессор подаёт сигнал дежурному диспетчеру.

А тот начинает детально отслеживать действия «проявившегося» потенциального террориста.

Николай постоял у зева входного отверстия. Докурил сигарету, бросил, как порядочный, в урну. Нет, никто за ним не

шёл. И ничего подозрительного вокруг не заметно: все с каменно-равнодушными и собранно-деловыми лицами спешат по своим делам, как обычно наплевав на окружающих. Конечно, если только те – не миловидные стройные блондинки в миниюбках: вон, прошла, вызывая взгляды: завистливые – у девиц и дам среднего возраста, вожделённые – у мужской половины населения... Можно начинать.

Пристроившись в очередь к турникету, он достал карточку. Когда подошла очередь, чиркнул ей по приёмной щели. Порядок.

Теперь спуститься по эскалатору на семьдесят метров вниз, пройти на перрон, и подождать полторы минуты – предыдущий состав как раз показал хвост с красненькими огоньками габаритных огней. Потрясти рубашку на груди пальцами: так делают многие – душно. И воняет. Подземкой: застарелым машинным маслом, потом тысяч тел, опилками...

В вагоне он увидел освободившееся место – как раз там, где надо: у одной из торцевых стенок. Сел. До Повилецкой доехал за пятнадцать минут. По дороге снял с головы идиотскую беретку, постаравшись укрыться от вездесущих видеокамер на потолке вагона за спинами тех, кто стоял. Беретку сложил, и спрятал в карман куртки.

Старался выглядеть и вести себя естественно.

Но всё равно ощущал, как по мере приближения к точке операции, сводит где-то внизу живота... И пальцы рук сами

собой сжимаются-разжимаются.

Нет, так не пойдёт!

Он – законопослушный, абсолютно обычный человек из толпы. Не выделяющийся в этой серой массе хмуро-сосредоточенных лиц ничем. Значит, нужно или хмуриться, или уж нацепить совсем каменное выражение, типа: «а не пошли бы вы все к такой-то матери!».

В плохо освещённом коридоре перехода удалось незаметным движением вынуть из кармана ампулку, и бросить прямо под ноги – чуть вперед и вправо от себя.

Ампулка, как он знал, после падения на мраморный пол – будь то хоть с двадцати сантиметров! – непременно разобьётся! После чего её содержимое разольётся под ногами прохожих. И они разнесут это содержимое по всему метро. Разумеется, какая-то часть этого содержимого попадёт и на него: ну и наплевать. Он ещё дома вколол себе антидот. Нет, не антидот: вакцина против микротварей, сидящих в ампулке, даже названия не имеет! Настолько всё засекречено.

Чувствуя себя гораздо лучше, он даже позволил себе несколько сбавить темп ходьбы: потому что впереди образовался как бы затор. Гул из возмущённых ртов нарастал, и толпа, всё медленней продвигавшаяся вперёд, уже почти остановила свой неумолимо-целестремлённый ход, становилась всё плотней.

Он попробовал привстать на цыпочки, как уже делали застрывшие рядом с ним, открыто выражавшие недовольство

задержкой традиционно: простым русским матом, и нервными движениями. Лица и рук.

Ага: вот в чём дело. Стальная дверь, обычно монументально стоящая вдоль стены коридора, теперь стоит поперёк. Надёжно перекрывая проход толпе, напиральной как с той, так и с этой стороны перехода. Что-то кольнуло в сердце: провал?!

Да нет – ерунда! Не может никакая сенсорная, или там – аналитическая система, обнаружить чёртовы бактерии раньше, чем они начнут действовать и плодиться! И почему эти дурацкие мысли приходят ему в голову в первую очередь?!

Не нужно паниковать зря. Может, вполне обычная авария: ну, там, прорвало какую-нибудь теплоцентраль, или водопроводную трубу. Или начал искрить какой-нибудь кабель: большую часть оборудования метрополитена не меняли, как ему кажется, со времён дедушки Таталина – настолько надёжно всё было сделано. На века! Но века там, или не века – а несколько раз и он попадал в пробки, вызванные как раз вот такими отказами оборудования.

Хорошо хоть, не авариями из-за терактов с применением взрывчатки!..

Это было бы обидно: пострадать вроде как от «своих» же!

Николай, стараясь не выделяться, то есть – истово ругаясь и ворча, попробовал вместе со всеми остальными вернуться назад: туда, где коридор перехода начинался.

Не вышло.

Потому что и здесь проход оказался перекрыт стальной и явно герметичной переборкой. Да, всё верно: он тысячи раз видел такие переборки-перегородки, но даже не подозревал, для чего они на самом деле могут служить! Значит, всё-таки – не повезло. Вычислили его.

Ловушка!

И вот он, и вместе с ним и пара сотен других несчастных – оказались в герметичном мешке! Бедолаги. Нет сомнения, что пока российские медики найдут способы борьбы с новой бактерией, все эти, фактически заложники, погибнут. Умрут. Все, кроме него.

А его наверняка допросят. С пристрастием. Или даже с применением психотропных препаратов – «правдоделов». И сомнений в том, что из него выудят всё, что он знает – нет. Как нет сомнения и в том, что доживать краткий остаток своей жизни ему предстоит в чёртовых урановых рудниках. Русское правосудие к предателям беспощадно!

К убийцам, насильникам, маньякам – вполне лояльно, и даже позволяет влачить существование в тюрьмах и лагерях – десятилетиями! А вот к предателям «родины» – нет!

И зачем только он ввязался в этот «бизнес»!

Хотел доказать что-то кому-то?

Например, что может зарабатывать отличные деньги не напрягаясь, и даже посмеиваясь над тщетными попытками правоохранительных органов обнаружить его – супершпиона? Которого никто бы не смог не то, что вычислить, а и –

заподозрить?!

По тоннелю разнёсся скрежет – словно открылась давно не используемая и плохо смазанная, но огромная дверь. А и верно: вон, примерно в середине коридора-перехода, по которому сейчас слоняются от перегородки до перегородки возмущённые, и тщетно пытающиеся связаться по мобильникам, мужчины и женщины, отъезжает в сторону ещё одна перегородка.

О-о!..

Из-за неё выходят вооружённые бойцы в... скафандрах. Вот тот, что повыше ростом, включает кнопку мегафона, висящего на ремне у него на груди:

– Граждане! Просим сохранять спокойствие. С вами говорит командир спецподразделения химической защиты, майор Долгополов. Произошла утечка ядовитых газов из системы подземных коммуникаций. Это не смертельно, но в больших дозах может быть опасно для... Здоровья. Поэтому необходимо провести дегазацию. То есть – обработку всех пострадавших, спецреагентами. Мы приносим вам свои извинения за причинённые неудобства. Ещё раз просим соблюдать спокойствие. И проходить вот сюда: желательно по одному. Спасибо за ваше понимание и сотрудничество.

Гул недовольных голосов снова заполнил тесное пространство тоннеля. Николай только сейчас понял, что здесь буквально дышать нечем! И стены... Словно сдвигаются!

Клаустрофобия?!

Нет, ему сейчас нельзя предаваться фобиям да абстрактным рассуждениям.

Нужно оценить и отреагировать на действия... Врага!

А умно. Никто – ни слова о том, что через несколько часов, если не подобрать должного лечения, (А как его уверяли, это невозможно!) эти «нанюхавшиеся», умрут в страшных мучениях, покрывшись гноящимися и кровоточащими ранами. «Дегазация», как же...

Сволочи. Идиоты! Нет, не те, кто сейчас оказался заперт рядом с ним, а те, кто планировал проклятую операцию! И передал ему «подробнейшие и чёткие» инструкции!

Бараны! Почему нельзя было просто – бросить ампулку в один из тех тоннелей, куда ныряют поезда?! Нет, они, конечно, объяснили ему, что тогда эффективность окажется на порядок ниже, поскольку бактериям-бациллам желательно попасть не в пустое воздушное пространство, где никого нет, а сразу – на кожу. И его возражения о том, что и в тоннелях это так и так произошло бы через систему воздухозаборников вагонов, отмели, как «вздор».

Аналитики из Лэнкли всё продумали. Просчитали. Разработали детально – чтоб и эффективно и безопасно. В-смысле – для него, распространителя, безопасно... А, что вероятней, чтоб не могли через него, пешку-исполнителя, выйти на них: организаторов и тех, кто всё спланировал.

Ещё бы! Такой козырь! Факты! Того, что ЦРО ведёт гибридную, и высокотехнологичную, электронную, и банально

– бактериологическую, войну – уже почти не скрываясь!

Козлы безмозглые. Рассчитали они.

Глядеть, как медленно, но верно движется очередь, в которую как-то быстро и привычно организовалась столичная толпа, было выше его сил. Он хоть и пристроился в хвост, но входить...

Нет, нечего ему там делать!

Вычислили его, как пить дать вычислили!

И если сейчас не «берут», так только потому, что не хотят зря сеять панику среди остальных овец. А деваться-то ему... Всё равно некуда!

Эх, мама...

Зачем ты только бросила тогда своего «алкашёвого» сына!..

Иногда он всерьёз думал, что если б с двух лет не находился в казённой, стандартно-рекомендуемой инструкциями для обслуживающего персонала, вежливо-благоприятной атмосфере детского Дома, и если б ему – чуточку больше *настоящей*, именно – материнской, любви, он бы никогда не...

Потому что как-то так получилось, что именно он оказался там, в этой атмосфере, которую ощущал всей кожей, всем нутром, как насквозь фальшивую и гнетущую, изгоем.

Вечно недовольным. Бунтующим.

И тактично, а затем – и не очень, презираемым и сверстниками и персоналом. Тётя Люда, не скрывая слёз, даже сказала ему однажды: «Ну в кого ж ты такой гад?!». А случи-

лось это после того, как он насыпал в аквариум с рыбками хлорной извести...

Да, сейчас он кристально ясно понимал: он – сволочь. «Асоциальный» тип.

Тварь, решившая из личных, эгоистично-самовлюблённых побуждений, обречь на мучительную смерть сотни тысяч, и, возможно, даже – миллионы таких же как он. Людей.

Сограждан.

Неужели он настолько завидовал, настолько ненавидел их всех, что действительно готов был – убить их, только б не глядеть больше в их тупые, самовлюблённые, и на самом деле полностью своим сытым бытиём довольные, глаза?!

Глаза, с детства видевшие... Семейный очаг. Тёплые заботливые руки. И...

Хватит.

Довольно разводить слюни и сопли.

Знал, на что шёл.

А, может, это как раз подсознательная тяга к саморазрушению, самоуничтожению, подтолкнула его принять предложение вербовщиков?!

Проклятый интернет...

Но тем, кто уже ждёт его, чтоб отвести якобы на «дезактивацию», его слёз не дожидаться.

Как и «признательных» показаний.

Сунув в рот палец – так надёжней! – он ногтем передвинул капсулу из дырки в зубе – между зубов.

Разгыз. Проглотил то, что вылилось в слюну...

Падая, почувствовал, что сознание отключается. И, действительно – не больно!

Запоздало подумал: а молодцы их врачи. Хоть здесь не просчита...

Хозяйственное освоение.

«... а я заявляю ещё раз со всей ответственностью – никакого сколько-нибудь существенного «хозяйственного освоения» этих территорий не производится! Вся эта так называемая «деятельность» – всего лишь мыльный пузырь, видимость, пыль, которую представители от Правительства России постоянно пытаются пустить нам в глаза, чтобы оправдать хоть как-то заявленные претензии на гигантский сегмент шельфа и океанического дна: от Шпицбургена и Бенингова пролива – до географического северного Полюса!

Та единственная функционирующая нефтяная скважина, что находится в обозначенной «сфере хозяйственных интересов», является лишь источником постоянного риска загрязнения окружающей акватории, и среды близлежащего архипелага нефтепродуктами.

Угрозой, словно дамоклов меч, постоянно нависающей, по заявлению наших компетентных экспертов, над всем Северным Бассейном! И чреватой настоящей глобальной экологической катастрофой в случае непредвиденных про-

рывов, предотвратить которые чрезвычайно трудно в силу «непреодолимых воздействий экстремальной внешней среды!»

И я спрашиваю уважаемых членов Комиссии: до каких пор мы будем терпеть злостное игнорирование экологических критериев, установленных Женевской Конвенцией, и последних Рейкьёвских договорённостей по защите окружающей среды от...»

(Из выступления представителя от СШО, сенатора Ю. С. Малковича перед Комиссией по Контролю за освоением природных ресурсов Северного Ледовитого океана, на заседании от 4 мая 204... г.)

Равнодушное, ни мягкое, ни осторожное, движение механического поршня вытолкнуло капсулу из ячейки. Джексон выдохнул и скрестил пальцы: началось!

Теперь вся ответственность за успех операции – на нём!

Ну и ладно: он докажет, что не зря получает свои (неплохие, кстати говоря!) деньги. Всё-таки – пять лет практики! Работа оператора «Сиуокера» на месторождениях Скандинавии (он теперь с внутренним содроганием вспоминал об этой странице карьеры!), и три года отработки на тренажёрах и симуляторах в «Ю Эс Марин инкорпорейтед».

Выждав пять минут, чтоб бесшумная тень специализированной дюралюминиевой подлодки растаяла за спиной, быстро удаляясь к подводным условным, но от этого ничуть

не хуже охраняемым, границам, он включил двигатели. Глушилки он запустил ещё на борту. Теперь – вверх, и вперёд!..

Автоматика придала капсуле нулевую плавучесть, подкачав гелия в балластные цистерны, а восемь капсул-движков по периметру сверхпрочного кевларового аппарата с кремнийорганическим покрытием позволили легко высвободиться из цепких объятий многолетнего толстого слоя ила, огромную тучу которого он взметнул вокруг себя, когда его капсула мягко «приземлилась».

Пространство вокруг «Кракена» всё ещё оставалось абсолютно непрозрачным, но оно, если честно, таким было и без ила: на глубину более мили не проникает ни лучика света. Но на это Джексону было наплевать: он плавал и работал, ориентируясь отнюдь не по зрению!

Рука привычно поднялась к потолку, пощёлкав тумблерами. Так, сонар, УВЧ, магнитометр, гамма– и акустический сканнер. Датчики давления и температурных аномалий. Джиписэс и коллиматор. Порядок: перед лицом возник призрачный экран с голубыми линиями и цифрами, спроецированными на бесполезное здесь, в царстве вечного мрака, бронебойно-армированное кварцевое стекло...

Джексон про себя ухмыльнулся: да уж, только идиоту пришла бы в голову мысль включить *здесь* прожектора, пытаясь прорезать светом пучины, ничуть не более светлые, чем космическое пространство... И заодно привлекая к себе внимание столь же гарантированно, как прибытие на верблюде на

приём в Букенгумском Дворце... Ха-ха.

Впрочем, на самом-то деле ему было вовсе не до смеха. Задание чертовски ответственное. Он должен совершить...

Да, диверсию! Насчёт подлинной сути того, что предстоит сделать, у него сомнений не имелось. Он – диверсант. Высококвалифицированный. И высокооплачиваемый.

Он развил крейсерские полторы мили. Ничего, что медленно – зато верно! Если Джипиэс не врёт, ему и проплыть-то надо всего пять миль. Три часа ходу.

Пока автопилот честно выполнял положенную работу, Джексон огляделся, словно бы удивляясь сам себе: и как это его сюда занесло?! Рубка подводного аппарата напоминает не знакомый интерьер технического батискафа, а рубку боевого Ф-82 «Спайдера», в которой (Ну, вернее всё же – на симуляторе! Кто же им, «сухопутным крысам», доверит самолёт стоимостью под полмиллиарда!) он, и остальные курсанты «налетали» положенные двадцать часов. И взлёт и посадку обратно на авианосец отработали восемь раз...

Операторы, не владеющие всем парком техники, ВМФ СШО не нужны.

Всё равно он чувствовал инстинктивно некое беспокойство, словно что-то может пойти не совсем так, как предусмотрено тщательно составленными Планами. Да, там, дома, в заботливо воссозданном участке моря, он отработал всё тоже – десятки раз. И из всех операторов он, безусловно, лучший. (Ну так: и молод и одновременно – опытен! Редкое со-

четание теперь, когда квалифицированный специалист получается годам к тридцати – тридцати пяти...) Однако всё равно почти ежеминутно Джексон проверял данные сканнеров и остальных приборов: расслабляться нельзя!

Враг хитёр и коварен. Хотя доставка «Кракена», вроде, и прошла штатно, это отнюдь не значит, что лазеры орбитальных спутников не выявили инверсионных аномалий кильватерной струи субмарины «Дельфин» и завихрений от её винтов. Так что он с благодарностью поглядывал на климатизатор, поддерживающий комфортные двадцать Цельсия, и...

Всё равно потел и сглатывал слюну.

На экране замигали цифры и слова. Ага, до цели – двести ярдов! То есть – один кабельтов. Хорошо. Будем надеяться, что и остальное получится как на симуляторе...

Он перешёл на ручное управление, и замедлил ход. К Трубе надо приближаться особенно осторожно: мало ли каких датчиков не установлено возле неё!..

Точно – вот в углу замигало предупреждение: вражеский сонар. Ну, этот-то ему нипочём. Глушилки и материал корпуса превращают его капсулу в бесплотную и не отражающую никаких сигналов, тень: едва заметный всплеск на экранах врага, сопоставимый с обычными помехами. Впрочем, лучше держаться поближе к дну: лет сорок назад от излишней самоуверенности, в Сербии, подставив брюхо, пострадал (Если *так* назвать то, что его превратили в решето!) самолёт Ф-1117 «Стеллз».

После чего всю эту сверхдорогую программу и прикрыли...

Джексон теперь почти «облизывал» илистую поверхность, скользя над ней всего в трёх ярдах. Где же... Есть! Вот и Труба!

Сманеврировав, так, что явственно зажужжали сервомоторы ходовых капсул, он развернул «Кракена» вдоль оси метровой трубы, и опустил аппарат вертикально вниз.

Теперь главное – не допустить смещения. Очередной тумблер включил магнитные захваты... Отлично – он зафиксировался!

Чёртов алмазный резак уж больно медленно действует. Зато, если вскрыть им сварной шов трубы, можно будет всё свалить на «производственный дефект» «разорванного внутренним давлением» трубопровода. Старый добрый термит хотя и куда надёжней и быстрее, неумолимо выдаст следы его работы, позволив врагу в очередной раз «разоблачить гнусные происки», и разрезвонив по всему миру, что его страна перешла к открыто враждебным диверсионным... И т.д.

Манипулятор между тем переместил вперёд головку УВЧ, и на боковом экране возник укрупнённый участок трубопровода под днищем аппарата. Джексон перевёл изображение на центральный: так-то оно поудобней.

Нет, придётся чуть сместить манипулятор с диском вперёд – вот он, шов!

Гаммасканнер и сонар вдруг запикали, посылая предупреждение: в двух милях мористей, с того направления, откуда он приплыл, на него, похоже, производится атака!

Не меньше трёх точек вдруг возникли в псевдопространстве океана (Вероятно, сбросили что-то с вертушек!) и это что-то приближается к его аппарату на скорости не менее пятидесяти узлов, прощупывая его сигналами сонаров и гидроакустических сканнеров!

Акустико-магнитные автоторпеды! И хоть в его аппарате металла и нет, но... Системы с работающими сейчас электромоторами уже чётко выдали его присутствие! И пусть его не уничтожат, (А они не уничтожают улики – это же козырь, который можно предъявить тому же мировому сообществу!) а только заблокируют работу всей электроники и механики – это – допустить попадание аппарата в лапы врага! – недопустимо!!!

Но как?!.. Откуда?! Он бы мог поспорить, что действовал абсолютно в соответствии с инструкциями и планом! И ничем себя не выдал!

Может, не нужно было закрепляться на трубопроводе? Похоже, тот теперь оснащён какими-то новыми сенсорами и датчиками!..

Впрочем – нет. Раз успели подлететь к нему на вертушках – засекли его ещё раньше! Просто ждали, когда он окажется «на месте преступления»! И начнёт... Вот гады!..

Но – хватит паниковать! Не за это ему платят!

Включив дисковый резак с алмазной кромкой на полную скорость, (Теперь уж не до «режима секретности!») он совместил его с поверхностью шва.

Чёрт! Как затрясся «Кракен!» Ого – вон и куски диска полетели, колотя в днище!

Алмазный диск не берёт обычную с виду трубу!..

Вот же д...мо!!!

Но об этом можно было догадаться...

Когда сорвалась та, первая миссия, полтора года назад, чёртовы русские как пить дать проложили от нефтяной скважины *не простой* трубопровод... Остекловали металл – так же, как корпуса своих подлодок и кораблей... Покрытие – наверняка из силицио-карбоциркона.

Проклятье!

Джексон, хоть и ругался, буквально трясясь от злости, не мог и не восхититься: дорого, но жутко эффективно! Тут, оказывается, и термит не помог бы!..

На экранах силуэты торпед уже в опасной близости: всего сто ярдов!

Нет! Он не должен допустить попадания «Кракена» «в плен»! Неповреждённый, и сфотографированный «на месте преступления» аппарат-диверсант – *улика!* Пусть он и сделан полностью из малайских деталей... Но никто ведь не поверит, что это *малайцам* нужно изобразить видимость техногенной аварии, и затем взывать к «обеспечению чистоты бассейна» и трубить на весь мир об экологической катастро-

фе, «возмущенно» обращаясь к УОИ с призывами о введении новых «Санкций»!..

Вздыхнув, Джексон отщёлкнул пластиковый колпачок. Повернул вставленный заранее ключ.

Нажал красную кнопку.

Он не сомневался, что чёртову трубопроводу взрыв его капсулы вреда не нанесёт...

Ну, а он *так* хотя бы особо явственных следов после себя не оставит!

Перед глазами мигнуло розовым, перешло в фиолетовый, и почернело. Конец.

Почти полумиллиардного «Кракена» больше нет...

Выдохнув, он приказал «Матери» втянуть электроды.

Возникло ощущение холода, и жутко зачесалось в бритой голове – как бывало всегда, когда электроды извлекались. Псевдопространство рубки управления исчезло с затухающим воем – словно он спустился с бугра.

На русских горках...

Он снял визиошлем. Провёл потной ладонью по глянцево-гладкому черепу.

Надо же – кожа холодная и тоже сырая. Переволновался.

Джексон откинулся на спинку кресла, услужливо опустившего его тело в полусидячее положение. Со стоном отлепил от остального тела чёртовы электроды и сенсоры.

Всё! Миссия завершилась. Полным провалом.

Но это – не его вина. А тех надутых индюков из отдела Информационного Обеспечения, которые провели недобросовестную разведку, и уверили Командование в том, что охранные системы и защитные устройства у противника «ещё на уровне тридцатых годов!» Так что голову снимут не с него! А с дебилов. И лохов в ЦРО, что «спланировали».

Но всё же... Какой-то неприятный осадок в глубине души оставался. Он не привык проваливать порученную работу!.. Он – лучший!

Поднявшись на плохо гнущиеся после восьмичасового сидения в боевом кресле, ноги, он оглядел тёмное кондиционированное пространство индивидуальной операторской, и буркнул:

– Отключить все приборы! Запись последней миссии скопировать, и перекинуть на флэшку.

Через три секунды он вынул крошечный кусочек кремния и пластмассы, неопровержимо свидетельствовавший о полном провале усилий восьми лет, и пускании коту под хвост неизвестного количества миллиардов долларов добропорядочных налогоплательщиков. Сунул «улику», которая уж точно никогда не должна попадать в лапы к российским или кхатайским шпионам, в карман, и вышел, аккуратно прикрыв дверь с табличкой с его именем, и отпирающуюся только его кодом.

Он буквально чувствовал спиной укоризненный взгляд компьютеров и приборов, всё сделавших для того, чтобы

он... Работал в безопасности. В двадцати минутах езды от дома в пригороде Бангура, штат Орегун.

А он...

Он протёр глаза – что-то их щипало!..

Уже моясь под тугими обжигающими струями в душе, он всё прикидывал, и возражал сам себе – что же пошло не так... Где они дали промашку...

Но каждый раз приходил к выводу, что они к командой «Дельфина» действовали строго по Инструкции. Традиционно: так, как позволяли «самые передовые технологии!». А если противник за эти несколько лет переплюнул их – значит, честь и слава противнику. И уже *они* теперь – в положении догоняющих. Получивших хук под дых. Обо...равшихся!

После итогового рапорта полковнику, ответив на все положенные вопросы, и выслушав все (и больше!) положенные обвинения и пожелания, кусая губы и потея, Джексон думал только об одном: скорее бы закончился чёртов Контракт!

Утешала только одна мысль: что же теперь предстоит выслушать от своих Боссов самому полковнику!..

«... Мы с вами отлично понимаем, что времена, когда грохотали пушки и стрекотали пулемёты, давно прошли. Пушки, пулемёты и даже сверхмощные бомбы современной войны – это СМИ. И здесь нам предстоит ещё огромная работа! Задача перед всеми подразделениями стоит непро-

стая, но именно её решение является приоритетным: победить противника на его же поле. И его же средствами! Сформировать положительное мнение мировой общественности об Альянсе и отрицательное – о нашем противнике и его методах, можно и нужно! И здесь особую роль играют именно кадры! Высокопрофессиональные. И обладающие не только знаниями и навыками, но и богатым воображением!»

(Из обращения Министра Обороны России к Комитету Начальников Объединённых штабов от 19 июня 204... года.)

Разрозненные тощенькие льдины нагло плавали вокруг «Нордкапа», абсолютно не препятствуя колючему ветру нагонять на борт приличную волну.

А штормило баллов на пять. И поскольку теперь в океане не нарастало даже самых задохленьких паковых полей, чтоб хоть как-то смягчить волнение, небольшой буксир жутко мотало: он то зарывался носом в волну, то обнажал винты, начинавшие бешено прокручиваться в воздухе. В такие моменты рывки от прекращения тяги буквально выдёргивали палубу из-под ног, заставляя ни на секунду не выпускать поручни. Боже, как ему не хватало старого доброго льда! Чёрт бы подрал это «глобальное потепление»!

Однако взглянув влево, Кнут Сундстрем спрятал в бороду злорадную усмешку: «коллегам» на «Мальмё» ещё хуже: их так и валит с борта на борт, а такая качка гораздо хуже для непривычного к этому делу кишечника Билла Миллера...

С отвращением он припомнил весь занудно-скрупулёзный процесс подготовки: Биллу пришлось, пожалуй, тяжелей. Именно на его долю выпало набрать «добровольцев», и переправить их самолётом в Лонгйяр, где милостию Божией (Вот уж – Аллилуйя!..) имелся аэропорт. А после – ещё и расселить всех, оплатив проживание в так называемой гостинице – потрёпанном бурями и дождями одноэтажном казённом бараке, гордо носившем (стараниями какого-нибудь местного шутника!) название «Плаза»...

Сам же Кнут занимался «морской» частью экспедиции – в его обязанность входил наём двух «подходящих» судов. Однако вот с этим возникли непредвиденные сложности: хозяева норвежских и финских посудин, узнав, что предстоит сделать, наотрез отказывали!

Как Кнут их понимал: ну правильно: они живут буквально нос к носу, и вовсе не намерены лишний раз ссориться с могучим соседом. Так что нанять и перегнать в тот же порт Лонгуербюена (очевидно, норважцы считали, если они *так* будут именовать крохотную столицу архипелага, с её тремя тысячами жителей, это придаст ей солидности! Ага, два раза!) два подошедших для их миссии старинных, с дощатой обшивкой, буксира по двести тонн водоизмещения, и с *нужными* палубами, пришлось аж в Швеции.

Слава Богу, Биллу ещё повезло с капитаном Янссоном – тот сумел уговорить напарника остаться. А вот Кнуту достались «незабываемые ощущения»: пришлось посменно с

капитаном Ульрихом вести чёртов «Нордкап» все двести с небольшим миль до расчётной точки: капитанский сменик и партнёр, прибыв в Лонгйяр категорически отказался участвовать – у него, дескать, «двое девчонок, которых нужно выдать замуж, и только что родившийся двухмесячный сын!..»

Так что отец троих детей Свен Густавссон отчалил первым же рейсом из аэропорта провинции Свельбард, как норвежцы гордо именуют чёртов Шпицбурген. И его не смутило даже то, что все остальные пассажиры были русскими шахтёрами, отработавшими вахту во вновь функционирующей (Исключительно – назло врагам, как раньше думал Кнут!) угольной шахте... Ну так – «хозяйственное освоение», мать его!..

Он вернулся в уютный мирок натопленной крошечной рубки. Капитан Ульрих Мальмгрен кинул на него короткий взгляд исподлобья. Буркнул:

– Надеюсь, ваши покровители смогут вытащить нас из застенок лагерей Сибири. Границу пересекли пять минут назад.

– Вам не о чем беспокоиться, капитан. Радар «случайно» сломан? Сломан. Джипис подправлен нашими спецами – не подведёт. Вам заплатили? Заплатили. Так что предоставьте все юридические проблемы нашим юристам. Если, конечно, в этом возникнет необходимость. В чём я лично сомневаюсь!

Капитан кинул на него ещё один взгляд, красноречивей слов говорящий о том, что этот достойный представитель моряков думает о разных сухопутных крысах и их борзых беспринципных крючкотворах, но... Промолчал. Вместо этого вдруг прищурился, и вперил взор в переднее стекло рубки. За биноклем даже не потянулся. Зато указал пальцем:

– Вот, похоже, проблема номер один уже возникла. Звоните своим юристам! – насмешки в его тоне не заметил бы только пьяный пингвин. Правда, они здесь не водились: Арктика – это вам не Антарктика!..

Кнут вынужден был закусить губу, чтоб не выругаться с досады: не ждал!

В-смысле, не ждал, что так быстро до их двух судёнышек доберутся сторожевые псы границы русских: вертокрылы. Спускаются, сволочи, словно прямо с чертогов Её Величества полярной ночи. Да ещё сами в ярчайшей навигационной иллюминации: будто дурацкие рождественские ёлочки! Вот только вместо подарков приготовлены новейшие ракеты!..

Но вот опустившийся ниже луч мощного прожектора заставляет глаза щуриться, а голос, идущий через мощный усилитель, и говорящий на отличном английском, кажется, может выдавить барабанные перепонки прямо через стекло:

– Внимание, капитаны кораблей «Мальмё» и «Нордкап»! С вами говорит дрон семнадцать-двадцать три Пограничной охраны Российской Федерации! Вы находитесь в территориальных водах Российской Федерации! Немедленно развер-

ните свои суда и покиньте суверенную акваторию Российской Федерации! Повторяю...

А свирепый голос заложили в чёртова робота: слушать – словно жевать ледяную крошку... От стали в нарочито равнодушных интонациях невольно дрожь пробегает по телу, и в животе растёт тугой ком страха: всё пошло не так!..

Кнут взял рацию: бесполезно *теперь* сохранять «режим радиомолчания!» Хотя... Это было бесполезно с самого начала: можно подумать, у русских нет спутников, беспилотников, радаров на береговых Станциях и Джиписэ... Просто – не ждал он, что представители погранохраны появятся перед ними столь быстро!

– Билли-бой! Что делать будем?

После треска в наушнике и ругательств, на другом конце коммуникатора прорезались и конструктивные предложения:

– Попробуем сказать, что у нас... технические проблемы. Сейчас я выйду и скажу ему. Вдруг поможет?!

Кнут тоже присоединился к наигранно-весёлому лошадиному ржанию на том конце провода. Затем посерьёзnel:

– А если без идиотских шуточек? Этот дрон наверняка оснащён чем-нибудь вроде ракет «Хеллфайяр», или похлеще... Пальнёт – и следов от наших скорлупок не останется! Жить-то, знаешь, всё-таки хочется!

– Знаю. Вот чтобы жить *спокойно*, предлагаю не забывать, кто мы, и зачем здесь! «Вперёд, Гринпис!» Мы – борцы за

экологию и чистоту морей во всём Мире! – и, уже без деланного пафоса, – Не пальнёт. Не забывай: нас снимают и со спутников, и с беспилотников. И наших, и их. И если эти гады решаться...

Словом – нашим Боссам только чего-то такого и надо!

– Знаю! Знаю. Именно поэтому и беспокоюсь, что мы – это мы, а не «наши боссы»! Им-то там, за десять тысяч миль, и в уютных кабинетах, хорошо командовать... А на дно-то идти, если что, не дай Бог – нам! – только сейчас Кнут всем нутром осознал, что это – не простые слова! Они вполне... Могут обернуться реальностью! Их могут и не «арестовывать», как предыдущие миссии, и даже не экстрадировать. А сразу – сослать в Лагеря за Полярным кругом, где они получают «вожделенного» Севера по самые «нехочу»!

В голове возникла нелепая мысль, что он так и не сводил малышку Анну-Лизу в Диснейланд, хотя и обещал... И очень даже может так случиться, что семнадцатилетнюю девушку туда вести уже не будет смысла! Потому что согласно Новым поправкам к Руссийскому Федеральному Законодательству и УК за нарушение границы дают как раз десятку...

Впрочем, может всё-таки рано паниковать?! Ведь одно дело – пограничный дрон, а другое – патрульные корабли! А им сюда плыть не меньше пяти часов – из ближайшей-то Базы.

– Хватит, Кнут. Не гони волну. У нас есть и плоты, и спасательные пояса, и вся эта новомодная хренотень с подогревом... (Кнут подумал, что отличное универсальное словеч-

ко Билл подобрал для чертовски дорогой и сложной спасательной техники, буквально переполнявшей на всякий случай рубки и трюмы обеих буксиров.) Пару часов, если что (тьфу-тьфу!) продержимся до подхода наших... Ладно, я пошёл – вдруг поможет!

Вместе с капитаном Мальмгренем Кнут не без злорадного ехидства пронаблюдал, как попытки Билла договориться с помощью здорового жёлтого матюгальника на батарейках окончились полным провалом. Только голос дрона звучал теперь словно ещё громче и свирепей:

– Повторяю: вы – в территориальных водах России! Немедленно разверните суда и покиньте акваторию! На разворот вам отводится две минуты! Иначе мы применим адекватные меры воздействия! Повторяем... – Кнут увидел, как Билл сердито сплюнул в воду (вот уж зря: отвратительная примета!) и вернулся в рубку «Мальмё».

– Интересно, что это за «адекватные меры воздействия»? – поинтересовался Кнут, когда поток ругательств на другом конце провода иссяк, – Может, газ? Или – горчичный порошок?

– Ага. Соли они нам на хвост насыплют!.. Да нет, это они только на понт берут! Спорим три против одного, что ничего нам через... э-э... уже полминуты – не будет?

– На сколько?

– Ну... на десятку!

– Идёт! Замётано! Засекай!

Засечь Билли-бой не успел. Потому что вдруг на корму «Мальмё» обрушился настоящий водопад – не то льда, не то – снега, не то – воды! А вернее – и того и другого и третьего!.. Опешивший Кнут, глядящий в это время на чётко обрисованный лучами восходящего солнца силуэт работяги-буксира даже и не понял вначале, откуда бьёт могучая белая Ниагара! Потом разглядел: потоки воды и снега летят из сопла ледяной пушки, едва возвышающейся над водой! О-о-о! У-у-у!.. Не совсем, конечно, соль, но...

И как быстро всё это стало замерзать там, на корме, при минус пятнадцати стоящего снаружи мороза! «Мальмё» попытался сманеврировать, отвернув влево: не тут-то было! Поток снежного бурана последовал за ним, продолжая поливать корму и повернувшийся к нему борт! Посудина Билли-боя как-то резко накренилась, и её капитан, проявив недюжинную смекалку, поспешил подставить снова корму! Похоже, понял реальный риск перевернуться!..

Кнут не успел даже удивиться – на корму «Нордкапа» обрушился такой же ураган! Выглянув в кормовой иллюминатор рубки, чудом ещё не забитый снегом, он открыл рот... Да так и забыл закрыть: две всплывшие из-под воды подлодки с не то – пушкой, не то – брандспойтном на палубе, методично и невозмутимо поливали оба их судёнышка, так же, как миссис Джонс поливает свой палисадничек на заднем дворе из шланга.

На покатых и гладких палубах подлодок не было ни одно-

го человека. И вообще – кроме странных установок для производства снега и льда, на них вообще ничего не было! Кнут ощущал кожей затылка и шеи, как они ежеминутно принимают на борт побольше тонны... Палуба рубки буквально уходила из-под ног, накрываясь назад. Мальмгрен уже не бросал на него сердитые взгляды: он ругался, ежесекундно оглядываясь назад, на корму буксира, и топал ногами от бессилия. Рукоятки старинного штурвала он так и не выпускал, но кожа сжимавших их кистей побелела. А в проклятиях упоминались и «проклятые деньги», и «чёртовы агенты», и «матери чёртовых агентов!»

Кнут даже не давал себе труда ответить: ждал, приоткрыв дверь рубки. В правой руке держал рюкзаки с надувным плотом. Интересно, сколько времени русским понадобится «поливать» их до момента, когда отяжелевшие суда перевернутся?!

Страшно. Нет, правда: страшно! Ледяная вода – не те условия, в которых он хотел бы...

Впрочем, до самого страшного не дошло: вдруг, словно по команде, «полив» прекратился, и обе подлодки бесшумно и одновременно, как по команде, ушли под воду. Ах, вот оно в чём дело: подлодки-то, похоже, тоже беспилотные – управляются операторами с какого-нибудь пограничного корабля. Или вообще – с базы на суше.

«Мальмё» и Нордкап» получили солидный дифферент на корму, движок «Нордкапа стал захлёбываться, и, чихнув па-

ру раз, заглох. Обледеневший слой на кормовой, столь тщательно покрашенной чёрной краской перед отплытием, палубе, достигал уже, наверное, фута. Но не это было самым страшным, а то, что белая, да ещё глянцево отблёскивающая розовыми тонами восходящего солнца поверхность теперь оказалась *абсолютно* непригодна для...

Того, что они планировали.

Однако разбираться в тонкостях их замыслов и несостоявшихся планов оказалось некогда. Капитан Мальмгрен буркнул:

– Залило дизель. Теперь будет болтать, без хода-то. Полезу посмотрю, конечно... Так, на всякий случай. Потому что всё-таки – минус пятнадцать! Вам бы, «мистер» Кнут, вызывать подмогу. И адвокатов – чую я, нам всем они очень скоро понадобятся...

Кнут кусал губы: проклятье! Теперь им ну никак не успеть «зафиксировать» техногенную аварию нефтепровода, намеренную на... Через пятнадцать минут! Как раз к этому расчётному времени должны были всплыть нефтяные пятна из дыры, проделанной «естественными техногенными причинами» под названием «Кракен», ещё два часа назад, если бы всё пошло по Плану!..

Блин! Сколько сил, денег, нервов! Все СМИ подготовлены, ждут только их «репортажа»... А как нужен *этот* репортаж – атака на страну Великой Демократии и Прав Человека со стороны СМИ врагов, и интернет, идёт постоянная! И ес-

ли б удалось доказать, что враги не могут сохранить чистоту бассейна от экологических техногенных...

И вот – всё коту под хвост!..

А ещё он думал, что не окупают *такое* ни проклятые доллары, ни высокие звания. Ну и дураки же все эти «убеждённые» гринписовцы – они-то всё *это* делают вообще за даром!.. Из «Идейных» соображений! Но только пускать их *сюда!*...

Вот именно.

Звонок мобильного спас ноздри Магнуса Гольдштеттена от мозолей и ран: в моменты нервного напряжения их обладатель почему-то не мог остановить злобно-свирепого их расковыривания: словно хотел добыть оттуда Уран-235!

– Да.

– Это вы, Магнус?

– Нет, это королева Виктурия... Я, конечно. Слушаю, Пауль.

– Надо же. Даже не узнал ваш голос. Богатым будете. Хе-хе. – от затёртой до дыр хохмочки помощника главного редактора «Тэймс», Пауля Березуцки, Магнуса перекосило. Хорошо, что он отключил видеорежим: как знал! – Ну как там дела?

– Нормально. А в чём дело? – знает он, само-собой, в чём дело. Через двадцать минут нужно сдавать номер в набор, и нужно подтверждение. Подтверждение того, что тщательно

подготовленный, и за несколько месяцев «отшлифованный и вылизанный» до совершенства текст можно смело пускать в тираж. Плюс нужны фото, которые он обещал...

– Ну, вы знаете, в чём. Через двадцать минут – крайний срок. Иначе придётся задержать выпуск. А вы знаете, что тогда не успеем развезти по киоскам... Ну, и так далее!

Да, он знает. Как знает и то, что подтверждения материала теперь не дожидаться до Второго Пришествия, будь оно всё проклято!!!

Десятки экранов, увешивающих стены импровизированного КП показывают неутешительную картину: картинка с буксируемых в Мурманск русскими фрегатами буксиров даёт только волны, в которые зарываются носами оба судёнышка: если смотреть внимательно, самог о начинает мутить, настолько всё реалистично и красочно в свете взошедшего солнца...

А вот экраны камер, развёрнутые к корме полностью ослепли, и только отсвечивают розово-бардовым – рассвет же, будь он неладен!.. (Ну ещё бы! Снег и лёд облепили объективы, наверное, похлеще, чем фанаты Пелвиса Дресли его восковую фигуру там, в музее мадам Тюсто, в далёком сейчас Лундоне...

Камеры беспилотников вообще черны: оба давно покоятся в пучинах неприветливого холодного океана, так как «сбиты на территории суверенного государства!» И чёрт его дёрнул поторопиться завести их туда!.. Остаётся только ку-

сать губы да ковырять в носу. (Он сердито отдернул левую руку, как раз, оказывается, этим и занимавшуюся!)

– Пауль. Ситуация изменилась. – он постарался взять себя в руки, и говорить спокойно и конкретно, – Материала не будет.

– Что?! Вы хотите сказать... Что чёртовы статьи придётся снять? Да вы спятили, Магнус! Разве не *ваше* ведомство (Или что там стоит за вами, чтоб ему провалиться!..) три месяца проедало нам плешь и заставило пойти на колоссальные издержки, чтоб освободить первую страницу этого номера для... Хм. И вот что я должен, оказывается, теперь передать Главному редактору: материала, видите ли, «не будет»! И что теперь прикажете нам печатать в этих зияющих дырах на первой странице?!

– Какие-такие «издержки», чёрт бы вас побрал?! – Магнус не выдержал, хотя и чувствовал горячий поток, затопивший грудь, и что-то ещё, мешавшее вдохнуть раскалившийся, казалось, воздух полутёмной комнаты (Не иначе – «предынфарктное состояние!»), – Вашей чёртовой газетёнке (стыдно так называть чудом выживший и не сдавший своих позиций Источник информации Номер Один на бумаге в Великобритании! Но что же ещё остаётся?!) за всё заплачено!

И если теперь публиковать оказалось нечего – это не моя вина! А если у вас нет подготовленного, запасного, материала, это точно – не моя забота! И, тем более – не «тех, кто за мной стоит!» Публикуйте хоть чёрта лысого! К примеру,

расскажите, какие замечательные эти новые российские системы ПВО – СС-2000! Или – какой молодец их Президент, что заботится об Оборонной Промышленности и Армии! Да публикуйте вы хоть свежие порнографические снимки принца Георга – мне теперь плевать!

Оторвав пластик микрофона от уха, он сердито ткнул большим пальцем в символ отбоя, после чего не удержался – шваркнул со всех сил чёртову коробочку о сохранившуюся незавешенной аппаратурой стену с обоями в цветочек.

Почти тут же один из операторов – Борис – отвернулся от пультов, что-то протягивая:

– Босс! Вас – большой Босс!

Магнус сунул под язык таблетку старого доброго нитроглицерина, утёр пот со лба. В груди жгло. Староват он становится для всего этого. «Информационная», или новомодная «гибридная» война – совсем не то, что старая добрая заварушка в Югославии. Или хотя бы – в Ираке... С танками, самолётами и пулемётами.

Но телефон взять пришлось:

– Гольдштеттен слушает... Нет. Нет, сэр. Да, я знаю, что на буксире... Простите, не понял?.. Понятно! Слушаюсь, сэр. Будет исполнено. Так точно, сэр...

Нажав отбой, и протянув телефон Борису, Магнус еле сдерживал дрожь в руке. Он отлично осознавал, что означает Приказ об экстренной эвакуации. И то, что его даже не полили потоком красноречивых и цветистых оборотов, обыч-

но применяемых в таких ситуациях Большим Боссом, говорило, что на этот раз выговором не отделаешься.

Разжалуют в рядовой состав, как пить дать!

– Выключайте всё. Код красный. Экстренная эвакуация. Да, Сэм! Позвони Хапполайнену. Скажи, пусть купит билеты всем этим циркачам – и – первым же рейсом – домой!

Проклятая массовка! Теперь ее присутствие в Лонгяр-бюене совершенно ни к чему: некого встречать!..

Он отрешённо следил, как без излишней суеты, но не мешкая, деловито, работают его люди. Гаснут экраны. Отсоединяются и пакуются в контейнеры кабели и джампы...

Всё – коту под хвост!

Весь столь долго и тщательно подготовленный и отретушированный материал с массовой, стоящей на щитах, сделанных под кормовую палубу буксиров, и раскачиваемых рычажной системой. Все эти чёткие и красочные транспаранты в руках людей в дублёнках, шубах, и объёмистых анораках с синтипоновым наполнителем, с призывами не загрязнять, прекратить, и соблюдать... «Пусть белые медведи останутся белыми!..»

А уж как они ворчали и даже скандалили (Ну, это – женщины!), требуя добавить им денег за то, что приходится обливаться потом в импровизированной студии...

Теперь не наложишь эти столь «достоверно выглядящие» «домашние заготовки» на блестяще-белую ледяную поверхность палуб буксиров, и не передашь проклятый монтаж в

прямой эфир, или хотя бы в виде фото – в ту же редакцию...

Ничего не скажешь: обставили их эти россияне по всем статьям!

Ну вот не получился репортаж о славных Гринписовцах, пытающихся воззвать к Прогрессивной Мировой Общественности с призывом обуздать Россию! Заставить прекратить добычу нефти, ведущую к Глобальным Экологическим Катастрофам в Северном Ледовитом... И так далее.

Ну вот не разлилась чёртова нефть. И не оказались буксир со смонтированной компьютером с голливудской программой агрессивно-фанатичной хлакой* на палубах, в нужном месте в нужный час... Обидно.

*Хлака – наёмная публика в древнегреческих театрах, нанятая для восхваления, или наоборот – освистания неугодных актёров или пьес.

Нет, не за то, что все старания и колоссальные затраты – псу под хвост.

А за то, что, похоже, в информационном и технологическом... Да и в военном – раз уж на то пошло, плане его родина теперь...

Не Намбер Уан!

Обидно и за то, что у берегов Оляски-то нефти до сих пор не... Вот именно. Хитрец Русский Царь – знал, что продавать можно, а что...

Накрылась большой и красивой ...дой их Операция. Не удастся заставить чёртов УОН «Выразить протест», или по-

требовать «ввести новые санкции».

Видать, где-то всё же произошла утечка! Или – об этом не хочется думать! – действительно один из сверхсекретных серверов подвалов ЦРО хакнули...

Иначе чем объяснить, что ни под водой, ни на суше, ни на море...

Будь проклята эта Россия!

Может, ей и правда удастся «хозяйственно освоить» проклятый Северный Ледовитый?!..

Водопроводная станция.

Проблемы со вторым насосом начались ещё в марте.

Из-за этого напор в сети оказался настолько слаб, что иногда не мог даже подать воду на второй этаж коттеджей посёлка. Однако Дайану Парсонс проблемы насосной станции не волновали – куда важнее было то, что помыться теперь можно было только поздно ночью: иначе ванну приходилось набирать чуть не полчаса!

Понежившись с полчаса, она решила, что достаточно отмокла после тяжкого трудового дня. Да и вообще: где положенная ей доля развесёлых семейных игрищ?!

Вытираясь громадным и очень пушистым полотенцем, она невольно подумала, что и действительно: в последний месяц её супруг, Гектор Парсонс, как-то не слишком... Рвётся исполнить эти самые обязанности. Что само по себе до-

статочно странно.

Ведь раньше он постоянно и регулярно домогался её тела, иногда даже не дав помыться: буквально заваливал её с порога, стоило лишь переступить его и захлопнуть дверь!

С запоздалым сожалением она подумала, что возраст делает человека... ленивым.

Равнодушным к сексуальным прелестям юной (Ну, сейчас больше – душой!) и необузданной в своих изобретательных выходках и милых прихотях, партнёрши. Будь эти прелести и кондиции хоть на уровне самых высоких требований: вот, как у неё!

Пока накидывала шёлковый коротенький халатик, не упустила случая полюбоваться в очередной раз своими длинными стройными ногами: пусть икры и немного тонковаты, но – прелестны, прелестны! А уж бёдра – так вообще! Выше всяких похвал! Недаром же даже подростки, сверстники Матильды, пялятся так, словно готовы её раздеть. Облизать! А затем – и проглотить!

Дайане реально льстило, что она возбуждает мальчиков моложе себя почти втрое...

Но почему же Гектор перестал обращать внимание на всё *это*?!

Ведь она несколько не подурнела, или – не поправилась за двадцать три года совместной жизни! И пусть час в тренажёрном зале три раза в неделю и ежедневные пятимильные пробежки и становятся с каждым годом всё обременитель-

ней – оно того стоит.

Она же видит результаты своей упорной работы: хотя бы в зеркале ванной!

В зале её ждал сюрприз. Не сказать, что из разряда приятных.

Эта разжиревшая до безобразия (Проклятый МакДунальдс!) сволочь, её муж, привольно развалясь на диване, мирно дрых под оглушительные вопли комментаторов футбольного матча, несущихся из телевизора. Из угла приоткрытого рта даже натекла на дороженное, стилизованное под старинный гобелен, покрывало, лужица слюны! А банка пива, укатившись под сиденье, оставила на паласе дорожку из пролитого пива.

Вот гад. Опять наклюкался!

Она, сердито отдуваясь, прошла в кухню – благо, планировка у них такая, что все комнаты первого этажа превращены в огромное «жилое пространство». Открыла холодильник.

Хм-м... Странно. Оба блока по шесть банок нетронуты!

Значит, Гектор просто допил ту единственную банку, что оставалась с прошлой... Нет – даже позапрошлой недели! Отметил, так сказать, наступивший уикенд.

А странные дела творятся у них в семье. Она – отпадно выглядящая и чертовски сексапильная козочка, которую не прочь бы трахнуть даже козлы из школы её дочери. А муж, эта похотливая мразь, что ещё три года назад пытался схо-

дить налево к этой стерве Изабель, соседке через два дома, чтоб потешить своё хреново либидо, не то, что – не хочет её, а даже позволяет себе задрыхнуть в тот момент, когда она уже не намёками, а – в лоб сказала ему, что сейчас вернётся, и ему не будет скучно и одиноко!..

(Кстати, интересно бы спросить у Изабель – понравилось ли ей «использование» мужика, которого дома заставляют исполнять супружеский долг регулярно, и иногда – по два-три раза за ночь?! Вероятно, нет – поскольку где-то с неделю у Гектора был крайне сконфуженный вид: надо думать, помогло ещё её предупреждение, что если «дорогой» завернёт хвост налево, она даст ему снотворного, и утром он обнаружит свой ... прибитым над головой огромным гвоздём!..)

Может, он переработал, или перетрахался выше меры на работе?

Вряд ли. Она чует всем нутром: её муж ни с кем не...

Не-ет, тут что-то другое.

Но что?!

Она подошла к дивану, и встала над тем, что на нём лежало.

Да, это – её муж. Гектор. Предмет её гордости в течении двадцать лет. Потому что это только в последние три года он позволил пивному животику, вначале выглядевшему так мило и пикантно, вырасти в огромный безобразный барабан! Да и вообще: складки-валики на рёбрах, заплывшие глазёнки, одутловатое лицо, шея... Старость?!

Но ведь ему – только сорок семь! Другие – она знает! – остаются в строю до шестидесяти пяти! Ну, или хотя бы до шестидесяти...

Ведь он – она прекрасно видела! – что вплоть до последнего месяца похотливо пялился, и только что не облизывался, стоило только чуть повыше как бы невзначай приподнять подол форменной юбки!

Нет, тут придётся подумать. Так, как она делает на работе. Жестоко, жёстко, и аналитически.

Муж – не стар. Только вот в последние две недели всячески отлынивает от исполнения супружеского долга: не заставишь – так и не подумает на неё... Хм. И – она только что видела в зеркале! – дело тут не в ней. Просто...

Просто в именно вот последние две-три недели он стал какой-то...

Странно равнодушный. Ко всему. Даже к футболу: бывало, раньше мог смотреть игру команды «Янкуз леопард», за которую болел, хоть до трёх ночи – даже если ему утром как всегда вставать в семь – на работу.

А сейчас: нате! Заснул под этих самых «Янкуз»!.. Причём – спит, гад такой, мирно и глубоко: словно младенец, сон которого и совесть ничего не тревожит! Хотя бы – тот же супружеский долг!

Да, кстати о сне: и на работу Гектор теперь встаёт только после того, как будильник прозвонит с добрую минуту.

И то – только после того, как она даст ему здоровенного

тумака, и не заставит выключить гнусный зуммер, который пришлось поставить вместо обычного радио: под него дражайшая скотина её муж тоже приспособился отлично дрыхнуть!

Она подошла ближе. Наклонилась. Понюхала дыхание из оскалившегося в непроизвольной гримасе рта.

О-о!!!

Не-ет, это – не пиво! Это, это...

Наркота?!

Этот гад пристрастился к шмали?! Но...

Но она отлично знает, как пахнут десятки нарковеществ: это всё-таки её работа! Запах, похож, конечно... Но – нет.

Но – тогда что *это*?!

Чего нажрался или нанюхался её сволочь, что не хочет её, и не смотрит даже футбол?!

Кстати: сейчас она вспомнила, что только два дня назад в супермаркете слышала разговор двух соседок: одна пеняла другой, что та плохо выглядит, «лицо какое-то недовольное – словно зубы болят!», и что надо бы сходить к врачу, или хотя бы заняться оздоровительными упражнениями с мужем или любовником, повышающими иммунитет... А та отвечала с кривой усмешкой, что муж, дрянь поганая, уже с месяц не желает и слышать о сексе, предпочитая спать в гостиной, у телевизора. А любовник вообще обнаглел: не появляется уже недели три, ссылаясь на крайнюю занятость на работе.

Любовника Терезы по тому же долгу службы Дайана зна-

ла: тот ещё мачо. Ведущий менеджер фирмы по продаже бытовой техники. Тридцать шесть лет. Рост – метр восемьдесят пять, поджарая фигура, мужественное лицо, белозубая открытая улыбка на тридцать восемь зубов... (Она и сама пару раз... Взглянула на него – не без задних мыслей!) Как знала и то, что ни на какой работе он не перегружен. Как и муж. Что – её, что – Терезы.

Неужели и эти двое – трое! – мужиков заниматься сексом просто... Ленятся?!

Нет, дело, похоже, в другом. Летняя жара ли, всеобщее ли внезапное «обленение», или глобальное потепление, или новое климатическое оружие, но что-то тут – не так.

Неужели настала пора пойти на крайние меры?!

А ведь настала.

И чем быстрее она будет точно *знать*, тем быстрее найдёт выход из ситуации.

Она ушла назад в ванну. Прикрыла за собой дверь. Набрала номер, которым пользовалась только на работе.

– Алло. Доктор Расмуссен?

– Да, миссис Парсонс. Слушаю вас.

– Мне нужна ваша помощь, Рассмуссен. Приношу извинения, что в нерабочее время, но это – важно.

– Разумеется, миссис Парсонс. Что нужно сделать?

– Захватите ваш рабочий кейс и подъезжайте прямо ко мне домой. Адрес помните?

– Разумеется, миссис Парсонс. Сейчас буду.

А молодец. Не стал задавать идиотских вопросов, или кобениться, что, типа, работа – в рабочее время...

Машина доктора подъехала через двадцать минут – он жил достаточно далеко от «спального» района престижных двухэтажных коттеджей, похожих, скорее, на виллы. И которые семья Парсонсов могла себе позволить, а неженатый молодой доктор нейрофармакологии и психиатрии – пока нет.

Доктор припарковался на противоположной стороне улицы – молодец! – и открыл багажник. Достал кейс, багажник закрыл аккуратно – чтоб не хлопнуть. Тоже молодец.

«Кейс» напоминал, скорее, добрый чемодан, и весил, наверное, не меньше посудомоечной машины – Расмуссен даже треснул пару раз его углами о дверной косяк:

– Добрый вечер, миссис Парсонс. Куда идти?

– Никуда. Вот он, объект для анализа: прямо на диване.

– Э-э... Простите, не понял, миссис Парсонс. Это же – ваш муж?

– Совершенно верно. – она напустила на себя тот собранно-деловой вид, что «носила» на работе, поскольку знала, что *так* ей лишних вопросов не больно-то позадаёшь, – Приступайте.

– Слушаюсь, мэм.

Глядеть, как споро тонкие искусные пальцы отбирают пробу слюны, помещают её в портативный анализатор, и подкручивают разные верньеры и ручки, было бы интересно. Ес-

ли б она не видела этого уже тысячи раз.

Не прошло и двадцати минут, как доктор откинулся от монитора, проведя рукой по и без того отлично уложенным волосам – она знала, что так молодой доктор наук делает, когда чем-то недоволен. Или встревожен: вот, как сейчас. Беспокойство прорезалось в голосе:

– Миссис Парсонс. Боюсь, мне придётся отвезти эту пробу к нам в лабораторию. И провести повторное, более подробное, исследование.

– В чём дело, доктор?

– Дело... Сложнее, чем кажется с первого взгляда. Посмотрите сюда: вот эти линии: сами по себе они ни о чём, вроде, не говорят. Но в комплексе... Скажите, вы в последнее время не замечали неких... Скажем так: странностей в поведении ва... э-э... подопытного?

– Замечала. Вялость. Апатия. Равнодушие к тому, что его раньше... Возбуждало.

– Да-да, чего-то именно такого и следовало бы... Вы поедете со мной? Или?..

– Нет. Я поеду с вами, доктор. Мне... Важно знать всё. Собирайте оборудование, я пока позвоню дочери.

Спустя ещё два часа она действительно всё узнала.

Но это знание не прибавило ей спокойствия – а очень даже наоборот!

Поэтому по истечении этих двух часов она набрала ещё

один номер: уж этим-то она в нерабочее время до сих пор не пользовалась никогда!

Трубку взяли спустя три гудка – можно подумать, человек на том конце провода ещё не ложился. Вот и хорошо.

– Полковник Арменридж слушает. – он смело называет себя. Поскольку отлично знает, что по засекреченной и защищённой от прослушки линии могут звонить только коллеги.

И – только по делу.

– Полковник, сэр, это майор Парсонс. Могли бы мы... поговорить?

– Прямо сейчас?

– Да.

Собеседник Дайаны помолчал не более двух секунд: прекрасно понял, что просто так она не позвонила бы. Да ещё в полпервого ночи.

– Хорошо. Подъезжайте.

– Спасибо, сэр. Могу ли я попросить вас разрешить присутствовать при нашей беседе доктору Рассмуссену?

– Да. Привозите и его.

В трубке запикал отбой.

А молодец её начальник.

Подходит к решению проблем по-деловому.

Дом полковника, собственно, ничем от дома Дайаны не отличался. Только располагался в другой, элитной, части го-

рода. И его-то охранные системы наверняка стоили куда дороже. И обладали, соответственно, куда большими возможностями – вплоть до оглушения и захвата идиота, возжелавшего бы по дурости или наивности проникнуть внутрь с целью ограбления шикарного дома.

Полковник открыл после первого же её стука – словно ждал в прихожей прямо под дверью. Они вошли: доктор тащил кипу папок и формуляров. Она шла налегке.

– Прошу. – полковник указал на два приземистых кожаных кресла у журнального столика консервативно обставленной гостиной, сам присел на диван:

– Будете что-нибудь пить?

– Нет. Нет, – она, хоть и чувствовала, что в горле пересохло как в Сахаре, понимала, что выпить ничего не сможет, и, сев, стиснула руки так, что побелели костяшки пальцев. Заметив это, постаралась расслабиться: полковник не любит... Проявления излишней эмоциональности, – Разрешите доложить, сэр?

– Прошу. – да, всё верно. Её начальство отличается конкретностью. Спокойствием. И немногословием. Иначе не продержалось бы на своей должности и пары месяцев.

– Есть, сэр. Так вот. Примерно две-три недели назад с моим мужем стало происходить что-то странное... – она, вначале запинаясь, но затем взяв себя в руки, доложила о тех мыслях, которые не могли не возникнуть у женщины, вдруг переставшей быть... Желанной! – ... и я вызвала доктора.

Он исследовал слюну моего мужа. Анализ показал... Впрочем, может быть об этом лучше доложит сам доктор?

– Слушаю вас. – полковник просто повернул лицо к Расмуссену.

– Да, сэр. Э-э... Когда мы сделали первичный, грубый, так сказать, анализ, я только по косвенным данным смог понять только тот факт, что здесь мы имеем дело с новым, ещё не известным нам, психотропным веществом. (наверняка более поверхностный анализ просто не выявил бы ничего... э-э... необычного!) Несомненно, первоначально это вещество поступило в организм откуда-то извне. И оно является очень... Специфично действующим. И сильным. (Ну, это сомнения не вызывало!) Повторный анализ, собственно, подтвердил всё это. И позволил установить примерный состав и строение молекулы. Вот, сэр, – доктор подал полковнику распечатку со схемой молекулы, полковник на неё и не глянул, вместо этого продолжая изучать лицо доктора. А на лице этом явственно читался испуг. Полковник, уже интуитивно понявший, к чему доктор ведёт, спросил:

– Действие этого... Вещества. Обратимо?

– Э-э... Боюсь, что нет, сэр. Вот эти полипептидные связи... – доктор попробовал что-то показать на листке, полковник вновь проигнорировал, – позволяют предположить, что это вещество – и само очень устойчиво... И, раз попав в кровь, продуцирует выработку клетками печени самого пострадавшего – таких же, или аналогично действующих, ве-

ществ. Да-да, сам поражаюсь! – Расмуссен поторопился возразить на удивлённо вскинувшиеся брови полковника, – Сам никогда с таким не сталкивался. Да и никто, как мне кажется, ещё не сталкивался! Это, как если бы человек, впервые попробовавший героин, потом сам смог бы по мере надобности вырабатывать его в себе сам – по желанию!

А оно возникало бы... Достаточно часто! Потому что состояние расслабленности, то есть – ничегонеделания, теперь приносит такому заражённому кайфа... Простите – наслаждения – куда больше, чем... э-э... Всё остальное. Включая секс.

– То есть – теперь такой человек – ленив и... Самодостаточен?

– Да. Да, сэр.

– И на остальное... Здоровье – вещество не влияет?

– Да, сэр. Практически никакого вреда организму получившего вещество, не наносится. Вероятно, и продолжительность жизни не изменится. Только... э-э... Поведение. Заражённый будет апатичным и вялым.

– А если прекратится поступление этого вещества извне – его действие на организм на этом не закончится?

– Э-э... Совершенно верно, полковник. Сэр.

– И как же нейтрализовать действие этого... Сверхвещества?

– Пока не знаю, сэр. Мы пока... – Расмуссен беспомощно глянул на Дайану, – Только обнаружили его!

– Понятно. Так. Теперь такой вопрос: откуда взялось вещество?

– Тоже пока не знаем, сэр. Мы...

– Мы поспешили сразу приехать к вам, сэр, чтоб доложить. – Дайана перебила доктора, заставив полковника снова взглянуть на себя.

– Понятно. А теперь выкладывайте, почему вы посчитали это срочным. Про то, почему вы посчитали это важным, можете уже не объяснять.

– Да, сэр. Я посчитала это важным и срочным потому, что три дня назад в супермаркете... – Дайана доложила о подслушанном разговоре уже куда собранней и спокойней, – ... и вот поэтому я думаю, что поступление этого вещества в организмы наших мужчин было кем-то осуществлено примерно одновременно. И – массово.

– То есть, выбор у нас небольшой?

– Совершенно верно, сэр.

– Пиво?

– Нет, сэр, – это влез снова доктор, – В нём я ничего не обнаружил!

– Но тогда – что?

– Ещё не знаю, сэр. Но, боюсь, предположения миссис Парсонс не совсем верны. *Этим* заразили, как мне кажется, не только мужчин. А и вообще – всех! Просто...

Просто на женщин эта штука, вероятно, не действует. Или её действие выражено слабее – поскольку у мужского и жен-

ского организмов разная гормональная база.

Дайана вскинулась:

– Что?! Почему вы мне не?..

– Боялся, что вы обидитесь, мэм. Если б я предложил вам исследовать *вашу* кровь и слюну.

Дайана поджала губы. А верно. Предложи док такое – она бы точно обиделась.

Проблему решил полковник:

– Доктор. Оборудование у вас с собой?

– Так точно, сэр.

– Приказываю: исследовать кровь и слюну майора Парсонс.

– Есть сэр.

Показалось ли ей, или во взгляде доктора на неё имелось что-то... Плотоядное?! И не столько этакое, нейтрально-научное, с которым учёный смотрит на объект, сколько... Как самец, озабоченный по весне, на элитную... А уж как хитро щурится, когда берёт мазок...

Вот уж он-то – точно не отказался бы!..

И имел бы основания на надежду, что рано или поздно его вожделения будут...

Особенно, если учесть, что её-то собственный законный муж наверняка нескоро!..

Анализ показал, что вещество присутствует. Пока – присутствует.

Но одновременно выяснилось, что док оказался прав: женские гормоны вполне успешно разлагают его со временем на безобидные составляющие!

– Чёрт возьми... – доктор не отрывался от окошечка анализатора довольно долго, и пробормотал под нос, словно автоматически: как бы сам себе, – Никогда не подумал бы. Оружие, избирательное по половому признаку! Поражает только мужчин!

– То есть, если мужчинам вливать женские гормоны – это не поможет?

– Почему же, сэр. Поможет. Только вот... Поскольку мужской организм, конечно, и сам продуцирует очень маленькие – буквально мизерные! – дозы этих женских, причём отнюдь не всех, гормонов, дозировку придётся делать настолько большой, что эти мужчины...

Хм-м...

Как бы перестанут быть теми, кого принято называть мужчинами!

– Это как? – полковник, разумеется, уже понял, но возгласа сдержать не смог.

– Ну, у них... Э-э... Так и не проявится мужское либидо: всё время... э-э... лечения они так и останутся – как бы... импотентами. Вернее – «моральными импотентами»: «работать»-то у них всё будет, но не будет ни малейшего желания заниматься этой... работой. Далее. Перестанут проявляться вторичные половые признаки – типа роста бороды, усов. Ис-

чезнет так называемая «мужественность» в поведении. Они больше внимания начнут уделять своему внешнему виду – ну там, одежде, обуви. Морщинам, седым волосам. Детям, всяким щеночкам-котяткам, домашнему хозяйству...

– Вы шутите, доктор?! – Дайана не удержалась, чтоб возмущённо не фыркнуть. – Поверьте, сейчас не самый подходящий момент!

Доктор глянул на неё. Никакой улыбки на лице не имелось:

– Отнюдь, мэм. Боюсь, я ещё несколько приукрашиваю, так сказать, смягчаю, картину от поступления гипертрофированных доз женских гормонов в неподготовленный организм противоположного пола. Боюсь, последствия могут быть и... Ещё хуже.

– Понятно. – их диалог прервал полковник, побарабанивший пальцами по полированной столешнице. – Вернёмся к насущным проблемам. Как полагаете, доктор, откуда могло поступать вещество?

– Вариантов немного. Или с пищей, или с питьём. Воздушно-капельным путём, то есть, через лёгкие – абсолютно исключено. Это вещество нелетуче.

Дайану вдруг словно кувалдой по лбу ударило:

– Насосная станция! Вода из-под крана!

Рота спецназа оцепила станцию оперативно – профессионалы же!

Была глубокая ночь – вернее, раннее утро! – и восточный край неба даже слегка посерел. Дайана поёжилась: она так и не передела форменную одежду, в которой поехала к полковнику! А вот доктор нисколько, казалось, от утреннего холода не страдал: сидя рядом с ней на заднем сидении армейского «Хамви», деловито просматривал какие-то данные, которые успел перекинуть со стационарного компа Конторы себе в мобильник, и иногда довольно урчал: словно кот, перед которым поставили миску сметаны. Дайана еле удержалась, чтоб не скривить лицо в гримасу.

Полковник кинул короткий взгляд на них через плечо, но сказать ничего не успел: ожила портативная рация у него в руке.

– Танго, танго, я фокстрот. Мы на позиции.

– Начинайте. – полковник больше ничего не добавил, но инфракрасный бинокль на тёмное здание навёл. И не отрывал его от глаз, пока спустя ещё три минуты рация снова не ожила:

– Это фокстрот. Мы внутри. Осмотр закончили. Здесь чисто.

Полковник обернулся к водителю, за это время обозначавшему своё присутствие только движениями зрачков, как отлично было видно Дайане в зеркало у лобового стекла:

– Выдвигаемся. Сержант, езжайте прямо к центральным воротам.

Ворота двое крепких парней в бронежилетах и масках-ка-

пюшонах на лицах распахнули прямо перед передним бампером: хиленькие створки, похоже, даже не были заперты.

Полковник не торопился выйти, даже когда машина остановилась перед служебной дверью станции. Буркнул в рацию:

– Капитан. Сколько человек охраняло объект?

– Один, сэр! Да и тот мирно спал в свое каптёрке на втором этаже!

– Ясно. – полковник посопел, что, как знала Дайана, означало сильнейшее недовольство. Однако ей было не совсем понятно чем. Или кем: то ли капитаном, то ли – отвратительной охраной столь важного в стратегическом плане объекта, – Ведите к нему.

В каптёрке, захламлённой плохо побеленной комнате, буквально нависал стойкий запах грязных носков и дешёвого пива. Сам сторож оказался пожилым и всё ещё сильно пьяным мужчиной. Белым. Бородатым. На полковника он смотрел сердито. И было заметно, что нисколько грозным видом вторгшегося спецназа не напуган.

Полковник спросил:

– Почему вверенный вам объект охраняете столь халатно?

– Снимите браслеты, – сторож протянул к полковнику скованные наручниками кисти, – Тогда и поговорим.

Полковник кивнул капитану, браслеты исчезли буквально за три секунды.

Сторож не торопясь растёр кисти. Хмыкнул. Сказал, при-

щурившись:

– Ну, задавайте ваши с...ные вопросы.

– Почему спите на посту?

– А вы – кто? Мой работодатель, чтоб задавать мне такие вопросы?

– Нет. Я – офицер агентства национальной безопасности. Нашей страны. И если я признаю вас виновным в нанесении этой самой безопасности ущерба, вам никакой адвокат не поможет. Потому что в федеральной тюрьме для особо опасных преступников, и лиц, предавших интересы своей страны, адвокатов нет. Как и амнистий или свиданий с родными. Вы просто исчезнете с лица земли.

– Ой, подумаешь, испугали! – однако заметно было, что в пьяном голосе проскользнула дрожь: с АНП никто не горел желанием связываться. А уж тем более – конфликтовать, – Мне шестьдесят восемь лет. И никакая тюрьма меня не удивит! И как у совершеннолетнего, и имеющего все положенные гарантии гражданина и избирателя, у меня есть права!..

– Довольно. – полковник поднял ладонь, – Вы будете говорить добровольно, или мне приказать ввести вам... Препараты? Для обеспечения правдивости и разговорчивости. Повторяю: речь идёт о безопасности страны.

– Не в том месте вы ищите свою говёную безопасность! За все двадцать три года, что я здесь сторожем, ни одну баллистическую ракету к нам так и не привезли! Ха-ха-ха... – сторож, лоснящиеся морщины на лице которого так и затряс-

лись от смеха, откинулся на спинку стула, и даже похлопал себя ладонями по ляжкам: он явно неверно «оценивал ситуацию», как сказал бы полковник.

Полковник глянул на капитана. Тот кивнул бойцам.

Сторожа-юмориста снова скрутили, наручники защёлкнули на этот раз за спиной, и один из бойцов воткнул мужчине в предплечье шприц с жёлтоватой маслянистой жидкостью.

Не прошло и полминуты, как тело заоравшего было, и попытавшегося даже вырваться (Ха-ха!) сторожа, словно бы распласталось, расплозлось по стулу, на котором он сидел. Глаза из сердито-сосредоточенных стали такими, какие Дайана видела у своего мужа после второй упаковки пива. Лейтенант, пощупав пульс старика, кивнул полковнику. Тот поставил напротив сторожа второй колченогий стул, нашедшийся в каптёрке:

– Сколько человек должно охранять вашу станцию?

– Один.

– Почему – один?

– Согласно распоряжению нашего начальства.

– И кто это?

– Я. И трое сменщиков. Мы дежури́м ночь через три.

– Какую часть дежурства вы спите?

– Что?

– Я спрашиваю, сколько времени вы проводите на посту, или – обходя станцию с осмотрами, а сколько – спите?

– Да никогда я ничего тут не обхожу. А сплю... Обычно

с одиннадцати, когда кончается развлекательное шоу, – сторож кивнул на потрёпанный старинный телевизор, который упрямо и терпеливо работал сейчас в углу стола, почти без звука.

– А почему вы... Не следите за работой оборудования станции?

– А нечего там следить! Всё работает автоматически. Да и не специалист я. Если что-то испортится – для этого и существуют техники и инженеры!

– Понятно. Это они утром сменяют вас?

– Да, они. Дежурная смена: инженер и техники. Двое. И ещё один электрик.

– Фамилии?

– Да откуда я их помню? Там, в журнале написано. А звать их – Том, Джо и Хуч.

– Где журнал?

– Там... – старик кивнул куда-то в сторону, – В диспетчерской.

Полковник помолчал. Потом обернулся к доктору:

– Доктор. Пройдите с капитаном в диспетчерскую. Там наверняка есть планы всех зданий и оборудования. Прикиньте, откуда и каким образом можно было сделать то, что вы обнаружили.

– Да, сэр. Слушаюсь, сэр. – доктор и капитан с тремя бойцами ушли.

Полковник повернулся к двум бойцам, удерживавшим со-

вершенно расслабившееся тело от падения:

– Отведите его в фургон. Пусть Мастерс попробует вытянуть из него всё, что он знает.

– Есть, сэр.

В комнате сторожа остались только полковник, Дайана и ещё двое молчаливо моргавших через прорези в капюшонах спецназовцев.

Полковник позволил себе помассировать щёки ладонями:

– Никогда бы не подумал. Что столь важному объекту уделено столь мало внимания. И не обеспечена охрана...

Дайана фыркнула:

– До сих пор никогда и противнику не приходило в голову работать *так*. Столь нагло и открыто! Теперь-то они не смогут отпереться – у нас есть доказательства!

– Ни черта у нас пока нет, майор, – полковник глянул на неё, – И, вот помяните моё слово – ни черта мы и не найдём!

Нельзя сказать, что полковник оказался прав на все сто.

Кое-что они, разумеется, нашли.

Свежее отверстие в подающей воду к жилым массивам, трубе. С завинченной в него стальной пробкой. Доктор обнаружил его почти случайно: пробка оказалась покрашена свежей краской, по тону чуть отличавшейся от выгоревшей старой. А без этого даже днём заметить небольшой выступ на трубе десятидюймового диаметра было трудно. Да и кто бы, и для чего, стал его тут искать?!

Полковник, задумчиво рассматривавший заднюю стену станции, у которой они стояли, спросил:

– А почему они вводили реагент здесь? Ведь куда проще было подавать его в забираемую из реки воду?

– Нет, сэр, это не так. Во-первых – забираемая вода будет обрабатываться коагулянтom: ну, чтоб очистить её от ила, грязи и наносов. Затем она пройдёт через песчаный фильтр. И отстойник. А в таком устройстве – да вы его видели: это вон те огромные бассейны! – непременно сохранился бы исходный реагент.

Ну и наконец – самое главное. Обеззараживающий блок. Вон в тех боксах лампы с ультрафиолетовым излучением уничтожают гарантированно все болезнетворные микробы и бактерии, всегда имеющиеся в воде открытых водоисточников. Поэтому наш реагент просто разложился бы!

Собственно, я вам сразу сказал, сэр: искать нужно только в выводящем коллекторе.

– Понятно.

Полковник не стал добавлять, что наверняка руководство станции, явно экономящее решительно на всём, беспокоило лишь одно: чтоб вода, пусть и не с положенным напором, но всё же – подавалась.

– Как там у нас с анализами?

Полковник растирал теперь мешки, выступившие под глазами.

– А никак, сэр. То есть, у меня лично сомнений не вызы-

вает, что весь реагент впрыскивался отсюда. И впрыскивался достаточно долго – где-то начиная с пяти, и заканчивая – тремя неделями назад. После этого емкость, откуда эта адская смесь поступала в сеть, была отсоединена, и... На этом – всё. А в отверстие завинтили пробку. И покрасили.

– А как вообще стало возможно подавать реагент сюда? Ведь магистральная труба находится под большим давлением?

– Не под таким уж и большим. Всего-то – две атмосферы. Это, собственно, так же, как было бы от старинной водонапорной башни, которая раньше здесь и стояла. И которую пришлось убрать по износу опор... Хотя, конечно, меньше, чем положено по нормативным документам, которые я нашёл в диспетчерской. Думаю, главный инженер и старший диспетчер, расскажут нам, почему они не установили вовремя положенный второй насос, но... Не думаю, что это действительно их вина. Скорее – компании, которая наверняка объяснит ситуацию тем, что денег на покупку резервного оборудования – нет.

Да и зачем, если ещё работает первый насос, и вода, пусть слабо – но идёт?

– Согласен. Более того: думаю, они абсолютно не в курсе проведенной противником диверсии. И ещё думаю... – полковник замолчал, но Дайана легко домыслила и сама:

«– ... что в примерно таком же запущенном состоянии находятся и остальные станции водоснабжения. Даже крупных

городов.»

Всё верно. На то и рыночные отношения. Муниципалитет платит подрядчику. Подрядчик обеспечивает услуги. И никого не интересует, *как*, пока дело не дойдёт до...

Вот такого. Ну, или вопиющих, катастрофических, сбоев в работе коммунальных служб: водоснабжения, уборки и вывоза мусора, подачи электричества...

Всё должно быть экономически рентабельно, и приносить максимальную выгоду.

А поскольку от Министерства обороны или других соответствующих инстанций не поступило ни соответствующих распоряжений, ни денег на усиление охраны водоснабжающих сооружений и их оборудования, спрашивать будет не с кого.

Зато у её ведомства теперь работы будет – невпроворот.

Хотя бы провести проверку всех остальных водоочистных станций страны.

Она ещё не знает точную цифру, но наверняка это – несколько тысяч... Или – десятков тысяч. Станций.

И если выяснится, что противник действительно «обработал» хотя бы те, что отвечают за водоснабжение больших городов... Это будет означать, что – во-первых, агентура здесь, внутри страны – очень большая и разветвлённая.

А во-вторых...

Во-вторых, что прелестями секса ей предстоит заняться нескоро.

Разве что – поехать с доком по регионам: со служебными командировками...

Неутешительные итоги.

Трое мужчин в огромном светлом кабинете сидели молча. Смотрели на телефон.

У одного эмоции проявлялись в ежеминутном промокании лба носовым платочком. У другого – прикрыванием набрякшими веками глаз.

Сам Гровс про себя знал, что когда нервничает, сжимает губы между зубов – так, что рот превращается в узкую белёсую полоску. Вот как сейчас – он, в который раз поймав себя на этом, поспешил придать губам в частности и лицу в целом – нейтрально-спокойное деловое выражение.

Телефон зазвонил. Не новомодным зуммером, а старинным, звонко-дребезжащим звонком.

Телефон у босса старинный. Как и моральные «принципы». Как и методы работы. Как и защищённые от прослушки подземные линии связи. Аналоговые.

Человек, прикрывавший глаза, взял трубку после третьего звонка. Гровс поморщился: чего выжидал? Хотел дать понять звонившему, что его информация для начальства не так уж важна? Поверит в это этот звонивший, как же!..

– Да.

В трубке что-то говорили – весьма взвинченным тоном,

и постоянно запинаясь. Уж это-то было отлично слышно в мертвящей тиши подземного кабинета.

Через примерно полминуты голос иссяк. Босс сказал:

– Я понял.

Рука положила трубку на рычаг нарочито медленно и превеличенно спокойно. Босс посмотрел поочерёдно в глаза сидящим по бокам стола. Во взгляде не читалось ничего. Что само по себе сказало Гровсу, что дела – хуже некуда.

– Господа. – всё же боссу пришлось взять паузу, потому что он решил поправить галстук, вероятно, слегка поддушивающий его вспотевшее горло: раз не помогал кондиционер, это тоже о многом говорило бы, даже не будь этого отчаянного голоса в трубке, – Нет больше у нас никакого Майами. И полоса побережья там стёрта океаном на несколько десятков миль вокруг. Спасательная операция начата, но... Сами знаете.

Гровс просто кивнул, пялясь на лампасы на правой брючине. Человек, промакивавший лоб, советник Харрис, теперь прочистил горло, словно его першило от того же кондиционера:

– Но сэр... Может быть пора уже объявить мировому сообществу, кто...

– Виновен в этой и прочих «природных» катастрофах, обрушившихся – я цитирую нашу прессу – «чёрной полосой» на восточное побережье? – взгляд босса буравил советника по науке весьма впечатляюще. Гровс подумал, что хорошо,

что не влез. А хотел было.

Пауза нависла совсем уж гнетущая. Но босс смилостивился, прояснив свою позицию:

– Официально мы категорически не признаём действия устройств типа «Харпза» на климат и погодные аномалии, происходившие и происходящие на территориях противника. И если заявим о том, что их устройства аналогичного плана эффективны, и убивают тысячи наших сограждан, не говоря уже о многомиллиардном ущербе, наши же сограждане поднимут нас на смех. Это – вначале. А затем закидают гнилыми помидорами. Или бутылками с коктейлем Молотова. Возможно. Но уж тёпленьких мест наверняка и мы, и ещё куча – как чиновников, так и генералов, лишится.

– Сэр, – это влез-таки Гровс, – когда это «мнение» и «возмущённое негодование» наших сограждан хоть в какой-то мере интересовало или беспокоило нас?

– Это, конечно, в какой-то степени справедливо... Но прошу не забывать, что сейчас благодаря глобальным возможностям информационных технологий такое наше заявление, что воздействие на климат в целом и отдельные «природные» катаклизмы в частности – осуществляется систематически, в считанные минуты дойдёт и до остальных одиннадцати с половиной миллиардов. Жителей планеты.

Гровс позволил себе криво ухмыльнуться, и буркнуть, обращаясь к фикусу в углу:

– Вот облажаемся-то...

Советник по науке недоумённо глянул на него, не торопясь, впрочем, спрашивать.

Гровс пояснил сам:

– А мы-то везде втюхиваем, что нашим, что не-нашим, что у нас-де: и самые лучшие мозги, и самые передовые технологии, и самые крутые новинки вооружения... А тут – такой казус, на ещё на День Независимости, да и подлодки с кораблями... Стыдно. Признаваться в том, что кто-то превзошёл нас по эффективности ведения чёртовой гибридной войны...

Уж лучше сразу самим подать в отставку – вместе со всей администрацией Зелёного Дома, и руководством ЦРО, АНП, Пентагона и прочих обирателей несчастных обманутых в своих ожиданиях налогоплательщиков. За безопасность и жизнь которых мы, по-идее, должны отвечать. Сытую и комфортную. Жизнь.

Босс поморщился:

– Наш Харпз работает нормально. В средней полосе, в черноземье, и в междуречьи на главной равнине, на территориях что Кхатая, что в России, что в Вендии – земледелие до сих пор невозможно. Потому что сдунутый нашими ураганами слой почвы сам на место не вернётся – его нужно привезти. И закрепить от повторного сноса. Это – миллиардные убытки уже для наших основных противников, пусть и с их чудовищными трудовыми ресурсами. Однако то, что они смогли построить свои восемь Харпзов в столь рекордные

сроки – недосмотр наших спецслужб. И внешней разведки. Как, – босс впервые чуть повысил голос, – Как можно было проморгать строительство столь гигантских сооружений?!

– Но сэр, – Гровс тоже поправил воротник кителя, – Мы и не проморгали. Само строительство. Просто... Противник очень ловко ввёл нас в заблуждение открытым муссированием в прессе и СМИ того, что строятся просто новые спортивные сооружения: стадионы, бассейны, и так далее – для проведения Олимпиады – 20... года!

Другое дело, что – как кто-то из наших любимых аналитиков мог хоть на секунду поверить, что в отрогах Тянь-Шуня, и в заполярье они и правда собираются проводить, пусть даже и зимнюю, Олимпиаду...

– Хочу напомнить, сэр, что ещё в 20... году наш аналитический отдел подавал вам докладную записку о том...

– Да, помню, помню. – босс коротко зыркнул на советника, и тот сразу потерял желание оправдываться, – В вашей записке чётко было написано: «возможно... есть вероятность... кажется допустимым...». «Но это не представляется реальным в связи с колоссальными финансовыми затратами, в настоящее время совершенно не совместимыми с фактическими дефицитами бюджетов этих стран!»

И вот результат: их восемь действующих Харпзов – против наших пяти! И ещё двух строящихся. А территории, которые необходимо «обработать» – просто несопоставимы!

– Но сэр. Кто бы мог предположить, что энергоснабже-

ние...

– Что чёртовы российские доверятся союзнику настолько, что построят пять АЭС в непосредственной близости от чёртовых «стадионов»?! Три – в Кхатае, и два – в Вендии?

Советник предпочёл промолчать.

Босс обернулся к Гровсу:

– Генерал. Что там у нас с реальным ядерным потенциалом?

– Ещё более семидесяти процентов ракет вполне боеспособны. К счастью, на кораблях и подлодках хранилось не всё, что было для них приготовлено. Оставшиеся на базах ракеты «Полариз-317» могут быть запущены не только из шахт лодок. А крылатые ракеты удалось частично вывезти с эсминцев. И поднять с затонувших на отмели «Рональда Рийгана» и «Теодора Русвельта».

– Да, кстати... Как такое долгое и хлопотное дело, как «остеклование» корпусов их надводных кораблей и АПЛ прошло незамеченным нашей разведкой?

– А оно и не прошло. Записку, если вспомните, наш аналитический от... – босс только зыркнул на советника, и тот запнулся на полуслове.

Гровс знал, почему: в записке наверняка указывалось на «невозможность в связи с бюджетными трудностями и проч.». Всё верно: то, что посчитали в своё время банальной попыткой сэкономить на дорожном покрытии для борьбы с коррозией, на самом деле оказалось превентивной мерой

предосторожности.

И вот теперь корабли русских, вендийцев и кхатайцев безраздельно господствуют на океанском театре военных действий, безнаказанно рассекая во всех направлениях, а НАТО и ВМФ СШО только пытаются нащупать тот магический состав, который не трогают чёртовы твари-черви, и его способы нанесения на металл корпусов.

Что же до возмущённых воплей руководителей Ассоциации мирового рыболовецкого флота, им убедительно (Не менее убедительно, чем когда-то сами СШО доказали, что к свержению законных правительств Укроины, Сиреи, Венезуэллы, Ангоры, и десятков других второстепенных стран они – никакого отношения не имеют!) доказали: черви-мутанты – результат испытаний ядерного оружия в бассейне Тихого океана семьдесят лет назад!

А кто его там испытывал?!

Вот именно...

А уж как получилось, что русские, вендийцы и кхатайцы первыми узнали об этих червях, и соответствующим образом подготовились...

Ну вот так уж и получилось!.. Их учёные-ихтиологи – не дремали, а изучали пучины!..

– Ладно. Семьдесят – это неплохо. Так что там – с водоснабжением?

– Обследовано пять тысяч триста восемьдесят обычных станций очистки. И ещё почти две тысячи из числа тех,

что базируются на артезианских скважинах. Реагентом «Экс-Си» обработано более шестидесяти процентов водопроводных сетей. Преимущественно, разумеется, из тех, что обслуживают большие города.

– Стало быть, население у нас... – Босс снова посмотрел на советника. Тот поспешил кинуть взор в листок бумаги, лежавший перед ним:

– Более пятидесяти процентов поражено. Спад сексуальной активности весьма резкий. То есть...

– Да?

– То есть, демографический скачок, вероятно, окажется весьма ощутим. Лет через восемнадцать-двадцать пять. Население может сократиться на десять – пятнадцать процентов.

– Плохо. – босс говорил вполголоса, словно обращаясь к самому себе, – Но не могу не восхититься. Когда не помогло то, что благодаря чёртовому МакДунальдсу у нас теперь более половины населения – тучные ленивые бараны, они нам подбросили... Импотентов в кубе. И для предотвращения убыли населения и притока «свежей» крови опять придётся открывать границы, и приглашать желающих через грин-карты...

Да только кто теперь к нам поедет?!

Гровс подумал, что босс стопроцентно прав.

Проклятый Альянс «Шёлковичного пути» буквально задавил их на всех направлениях глобальной геополитики.

Интернет-пространство забито бойкими и красочными роликами – с приколами, с юмором, и прочей чушью, что так развлекает обленившееся мозгом население, но так ненавязчиво выставляет самих же бамерикосов тупыми и смешными, а их противников – ловкими и умными.

Видеоигры, разработанные специалистами-программистами Альянса – куда динамичней и красочней, чем отечественная продукция. Так и там: враги представлены тупыми и неумёхами, типа того, как показывали нацистов русские пропагандистские фильмы, снятые во время второй мировой... Приёмчик, конечно, хоть примитивный, но – безотказный.

Да что говорить, если даже бюджет ЦРО сократился чуть не на треть из-за банального уничтожения восьмидесяти процентов плантаций опиумного мака! Причём нельзя было даже сделать возмущённую мину: СШО чуть не первыми подписали Конвенцию о борьбе с наркопроизводством и трафиком, о чём громогласно трезвонили через всё те же СМИ!

Но что же им остаётся?!

– Генерал. Ситуация катастрофическая. На нас напали. Коварно и подло. Исподтишка. Ударили в спину. Ну, и все прочие наши уязвимые места, – генерал невольно погладил себя по тому месту, которым сидел на стуле, – Приказываю. Немедленно отдайте вашим подчинённым Приказ о готовности номер один. Код – красный. Нужно чтобы все системы и ракеты были приведены в боеготовность в течении трёх...

Нет – двух часов!

– А как же... Красный чемоданчик Президента?

– Довольно. – босс дёрнул щекой, – Уж вам ли не знать, что эта чёртова марионетка никогда на *такой* шаг не решится? Вот и поможем ему.

Тем более что у него – простой муляж.

– Сэр, отдаёте ли вы себе отчёт... – Гровс невольно сглотнул.

– Что это – объявление тотальной, и, скорее всего, последней, Войны?

Гровс не ответил. Он пристально смотрел в глаза человека в главном кресле страны. Тот кивнул:

– Да, я *отлично* понимаю это. Потрудитесь поставить задачи перед этим вашим... Комитетом объединённых штабов. И пусть начинают спуск в Бункеры наши семьи.

– Есть, сэр. – Гровс уже потянул руку к аппарату, когда тот снова зазвонил.

Не без злорадства Гровс отметил, что на этот раз босс не стал выжидать даже второго звонка.

– Да? Что?! Повторите. Еще раз повторите. Понял вас. Отбой. Ждите указаний.

На лице босса снова ничего не отразилось, когда он произнёс, даже не глядя на лица второго и третьего людей в Государстве:

– Мне сообщили, что компьютеры систем наведения, как баз, станций наведения, так и самих баллистических ракет,

повреждены.

И повреждены – не вирусами или сбоями программ.

Разрушена – не знаю уж каким образом! – кремниевая подложка всех процессоров и плат. И, как, мне сказали – «просто чудо, что все эти монстры не взорвались прямо там, где находились и хранились!»

Некоторое время в кабинете снова было так тихо, что опять стало слышно комариное зудение кондиционера.

Затем Гровс пробурчал:

– Насколько я понимаю, сэр, ваш приказ о приведении всех систем в боеготовность уже можно не выполнять.

– Ваш юмор, полковник, неуместен. Вы уволены. Прошу передать ваши обязанности вашему заместителю. А сейчас вы свободны.

– Да, сэр. Слушаюсь, сэр. – Гровс расправил плечи, встав. Почему-то он чувствовал не гнев, и горечь поражения, а... странное облегчение. То ли – оттого, что сбросил так или иначе груз жуткой ответственности со своих усталых мускулистых плеч, то ли – оттого, что где-то там, глубоко в подсознании, крепла уверенность: войны не будет!

Их просто – «задавят». Так, же, как раньше поступали они сами со слаборазвитыми и бедными странами: мирным «культурным сотрудничеством»!

Выписка из Приказа Министра Обороны России № 126/42 от 25.06.204... года:

2.4. Представить к присвоению внеочередного воинского звания с награждением Орденом «За заслуги перед Отечеством» второй степени следующих военнослужащих:

– лейтенантов: Каримова С.А., Москалёва А. В., (ещё 56 фамилий),

– капитанов: Решетникова Л.Ю., Тешабаева Р. А. (ещё 12 фамилий),

– майоров: Мосечкина П.А., Уфимцева Б. Н. (ещё 4 фамилии),

– полковников: Потапчука А. А., лажечкина Б.Ю. (ещё 2 фамилии),

– генерал-майора Бочарникова Т. Д.

Так же в целях поощрения предоставить всем перечисленным военнослужащим внеочередной служебный отпуск на десять дней и премию в размере пяти месячных окладов.

2. 5. Наградить орденом «За заслуги перед Отечеством» третьей степени, с предоставлением премии в размере трёх окладов следующих военнослужащих:

– младших лейтенантов: Фатхутдинова К. М., Сбоева В. Ж., (ещё 23 фамилии),

– сержантов: Ракитина С. С., Ващук П. Ж., (ещё 42 фамилии),

– младших сержантов: Борисоглебского В. А, Устюгова К. Н., (ещё 98 фамилий),

– рядовых: Кроу П. Р., Паттерсон Л. Д., (ещё 765 фамилий).

Министр обороны Российской Федерации. (Подпись, дата.)